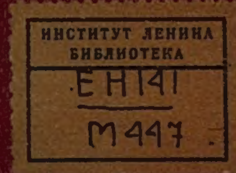
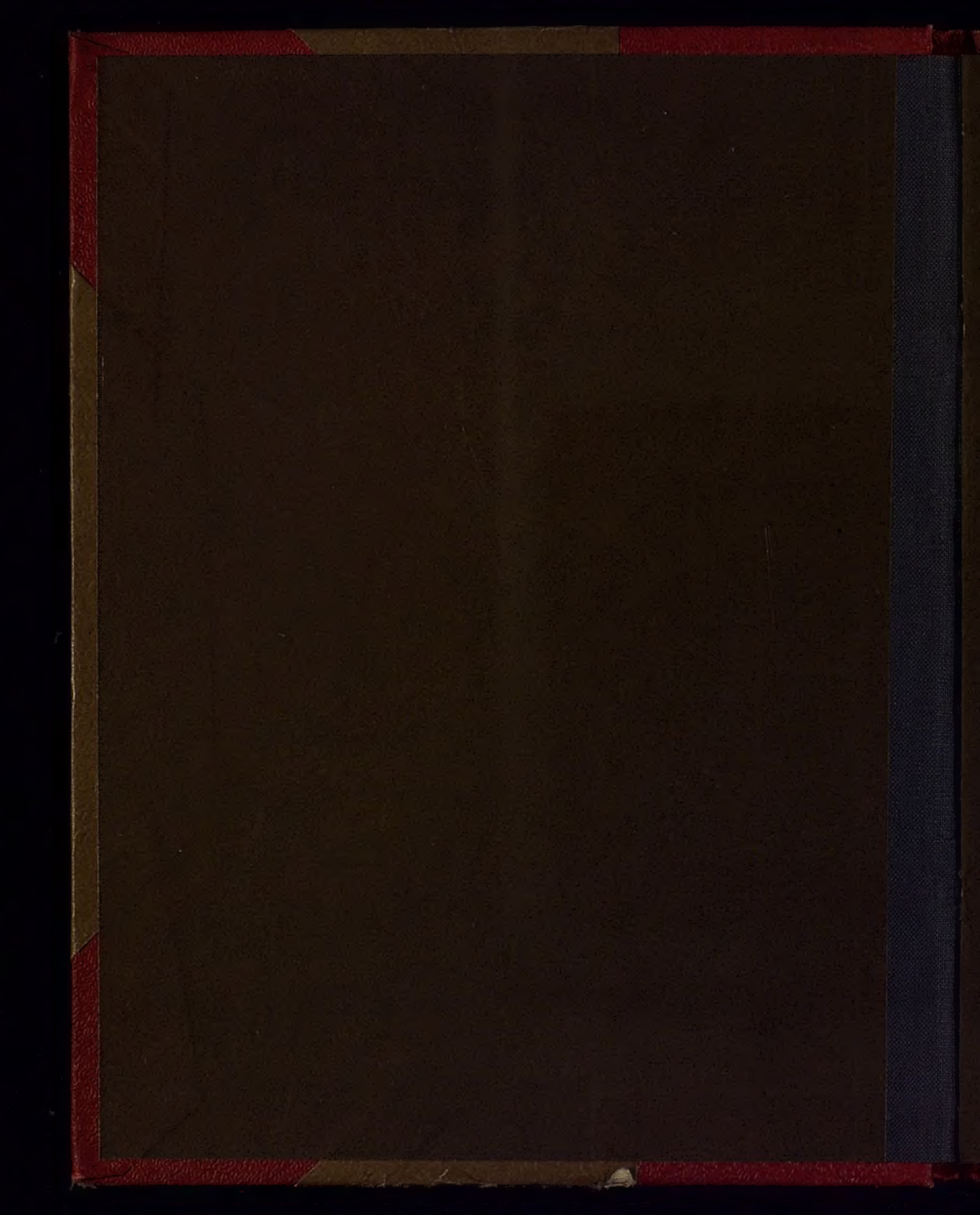
Каменев

Большевики в Первой Русской Революции

Л. КАМЕНЕВ

МЕНЬШЕВИКИ

В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

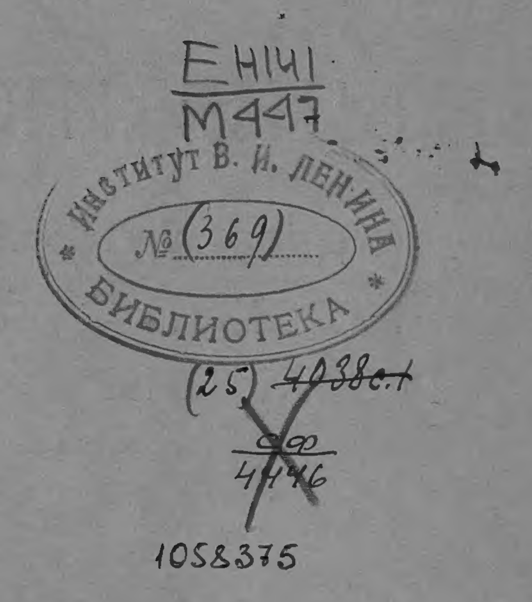
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 -ПЕТРОГРАД

Л. КАМЕНЕВ

МЕНЬШЕВИКИ

В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 3557. Главлит № 2578. Москва. Нап. 10.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В печатаемых ниже критических очерках характеристика меньшевиков в революции 1905 года и в предшествующую эпоху дается на основании меньшевистской же оценки первой русской революции. Эту оценку меньшевики дали в коллективном пятитомном сборнике, начавшем выходить в 1909 г.—в самый разгар Столыпинской контр-революции—под названием «Общественное движение в России в начале XX века», под редакцией наиболее ответственных представителей меньшевизма Л. Мартова, А. Потресева и А. Мартынова. Сборник этот представлял попытку рассмотреть и осветить с меньшевистской точки зрения не только борьбу классов в 1905—6 г.г., но и весь процесс общественного развития и политической борьбы за период конца XIX и начала XX веков и превратился, таким образом, в своего рода меньшевистскую энциклопедию, в сводку меньшевистских воззрений по всем вопросам русской революции

и борьбы русского пролетариата. Эта многотомная сводка целиком подтвердила роль меньшевиков уже в первой революции как *проводников буржуазного влияния на пролетариат, искусно прикрывающих свое служение буржуазии марксистской фразеологией* и искажением действительной истории рабочего движения и социализма в России. Подводя итоги 25-летнему развитию рабочего движения и марксизма в России, меньшевизм в этом сборнике пытался систематически *ликвидировать* революционную идеологию пролетарского движения, его революционную тактику, его революционные традиции, традиции 1905 г. с его всеобщими политическими стачками, первыми Советами Рабочих Депутатов, вооруженной борьбой и присоединением крестьянства к пролетариату, и, наконец, пролетарскую партию.

Большевики в эти темные дни перевала от первой ко второй революции видели свою задачу как раз в сохранении и развитии *этой* идеологии, *этих* традиций и *этой* партии против сплошной волны интеллигентского ренегатства и ликвидаторства, дополнявших контр-революционную работу победившего союза царя, помещика и капиталиста.

Задача подготовки новой революции требовала от большевиков систематического и беспощадного разоблачения не только кадетов, но и так назы-

ваемых «социалистов»—меньшевиков и социалистов-революционеров,—поскольку последние *теоретически и практически* подготовляли уже тогда то *предательство,* которое полностью развернулось только через 10 лет—в 1917 и последующие годы.

Как убедится читатель, уже тогда, в 1908—10 г.г., главные удары большевистской критики были направлены на разоблачение мелкобуржуазной природы этих так называемых «социалистов», на их рабское следование за кадетами, на их идейный блок (в 1917 г. этот блок получил названис *коалиции*) с кадетами, на их готовность ради этого блока, соглашения, коалиции с буржуазией предать интересы пролетарской и крестьянской революции, наконец, на их *измену* тем чертам революции 1905 г., которые делали эту революцию подлинным движением рабочих и крестьян и *против царского самодержавия и против буржуазного либерализма* и тем самым делали октябрь 1905 г. прологом октября 1917 г.

Конечно, тогда нельзя было еще предвидеть, как далеко пойдут г.г. Мартовы, Даны, Потресовы, Черновы, Авксентьевы и Савинковы, как следование за кадетами приведет их к поддержке империалистской войны, к коалиции с генеральско-казачьей контр-революцией, сделает орудиями

мирового капитала и заставит добровольно играть роль наводчиков у дула тех орудий, из которых буржуазия расстреливала социалистическую революцию. Во всяком случае из истории революции нельзя будет выкинуть тот факт, что за 10 лет до октябрьской революции большевики вскрыли контр-революционную роль меньшевиков и эс-эров и разоблачили союз Потресовых и Черновых с буржуазией против рабочих и крестьян.

20. IX. 22 г. *Л. Каменев.*

Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции.

Статья первая [1]).

Ликвидация гегемонии пролетариата в русской революции... Не значит ли это,—спросит маломальски осведомленный в ходе русской революции читатель,—ликвидировать исторический факт, и притом один из грандиознейших фактов истории России и Европы за последее полстолетие. Мыслима ли история, которая прошла бы мимо этой характернейшей черты первой русской революции и которая—с ненавистью или с удовлетворением—не воздала бы должное тем, кто построил свою политическую деятельность на предвидении и учете этого основного факта.

Однако недавно вышла книга в 700 стр., основное содержание которой, тема которой, задача которой заключается как раз в том, чтобы похоронить идею гегемонии пролетариата в первой русской революции.

---

[1]) «Пролетарий», № 47—48, 5 сентября 1909 г.

Не рискуя, ибо это невозможно, отрицать факта—факта руководящей роли пролетариата во всем ходе русской революции—авторы направляют свою полемику против той партии, которая положила этот факт в основу своей политической деятельности.

Рассматриваемая книга представляет собой первый том пятитомного издания под названием «Общественное движение в России в начале XX века», редактируемого Л. Мартовым, П. Масловым и А. Потресовым (Г. Плеханов при составлении первого же тома вышел из редакции, в которой он первоначально должен был принять участие). Перед нами, следовательно, история революции, написанная социал-демократами и направленная против социал - демократической партии. Перед нами попытка систематизировать тот запас представлений о революции, который накопился в рядах социал-демократов—меньшевиков.

И, конечно, всякая такая попытка должна будет, не может не сопровождаться критическим анализом политики и тактики с.-д-тии. Пользуясь всем опытом революционных дней, анализируя реальную картину соотношения социальных сил и политических партий, необходимо на этом опыте и на этой картине массовых движений проверить те идеологические схемы, с которыми русская с.-д-тия приступила к работе.

Ни для кого не тайна, что уже в самом процессе революции, при первых уже ее шагах отрицательное отношение к некоторым основным положениям русской социал-демократии—к положению о руководящей роли пролетариата в русской революции, в особенности,—стало тем признаком, по которому подбирались различные элементы выделившегося правого крыла партии. На этом крыле мы видели целый ряд оттенков—от искреннейших работников пролетарского дела, оппортунизм которых лишь отражал неразвитость общественных отношений в России, знаменовал лишь недостаточное выделение рабочего класса из рождающегося буржуазного общества, и до таких элементов, либеральная природа которых тем яснее сказывалась, чем плотнее пытались они закутать ее в марксистскую фразеологию.

И если в практической работе, на отдельных задачах дня можно было до поры до времени поддерживать единство этих элементов, то, взяв на себя задачу дать цельную картину революции, меньшевизм должен был наглядно обнаружить свой двойственный характер. Не случайность поэтому, что первая же попытка дать связный очерк роли пролетариата в революции, вышедшая из рядов меньшевизма,—известная книга Череванина,—вызвала разделение м-ков. И только продолжением этого неизбежного процесса выделения является выход Плеханова из редакции «Обще-

ственного движения». Глубокое же смешение и, так сказать, взаимопроникновение пролетарских-оппортунистических и буржуазно-демократических элементов в меньшевизме во время революции привело к тому, что это выделение не может не итти зигзагообразным путем. Ни одно из выделяющихся течений в меньшевизме до сих пор не сознало ясно причин разделения и его неизбежности, ни одно не решилось открыто выступить с учетом новой группировки. Редакция меньшевистского «Голоса Социал-Демократа» [1]) не переварила Череванина, предпочтя, однако, отречься от Череванина только в немецкой с.-д. печати и промолчать в русской, но без особого труда проглотила Потресова, политическую мудрость которого отказался усвоить один из редакторов, Плеханов. (Уже после выхода из редакции «Общ. дв.», Г. В. Плеханов вышел и из редакции «Голоса С.-Д.».)

Вполне естественно, что совместная работа по истории русской революции оказалась возможной только для тех элементов меньшевизма, которые заранее согласились не ставить препятствий своим последовательным и идущим—в *ликвидаторстве*—до конца товарищам. Ничего по-

[1]) «Голос Социал-Демократа»—официальный орган меньшевиков, выходивший за границей в 1908—1913 г.г. под редакцией Л. Мартова, П. Аксельрода, Ф. Дана и А. Мартынова.

этому нет удивительного в том, что история, которую взялись составить социал-демократы—меньшевики, вышла толстым памфлетом против социал-демократии, написанным с точки зрения буржуазного демократа общеевропейского типа.

В русской общественности это новый тип. До сих пор все, что было в России не социал-демократического и не явно-либерального (в типе руководителей кадетизма)—все это стояло обеими ногами на почве народнических предрассудков. Слабее или сильнее, но вся наша интеллигенция—за исключением всецело ушедшей в рабочее дело—была окрашена в народнические цвета. Это было естественно до поры до времени. Но с расшаткой той общественной среды, которая питала народничество, с развалом до-революционной общественности время это прошло, и теперь мы присутствуем при нарождении нового типа: буржуазного демократа или радикала, основой для радикализма и демократизма которого служит уже не сплошной быт полупатриархального крестьянства, а процесс европеизации страны. В краски буржуазной, общеевропейской культуры хотя и крайне медленно, но все же окрашивается наша жизнь и, крайне быстро, вся интеллигенция во всех ее группах. Процессу европеизации нашей «науки» и нашей крупной буржуазии соответствует процесс нарождения идеологии мелкой *городской* демократии. Интеллигент валит сюда отовсюду, но главный штаб

этой новой интеллигентской группы неизбежно составится из людей, получивших европейскую выучку в школе марксизма,—конечно, «марксизма» оппортунистического. Марксизм был на перевале от старой к новой России школой реалистической мысли для всей жизнеспособной русской интеллигенции, и вполне естественно, что он давал и дает идейных вождей всем европеизирующимся слоям русского общества. За пределами этого процесса остались только такие специфические группы, как «левые» и «правые» с.-р., максималисты и прочие группки, корни которых лежат в пережитой уже эпохе.

При этих условиях меньшевизм должен послужить главным резервуаром, где европеизирующаяся русская городская демократия черпает своих идеологов, а отчасти и свою идеологию. Понятие «ликвидаторства» шире, чем проповедь ненужности старой партийной организации, ликвидаторство—известная система политической мысли, а не только упадочное и бездейственное настроение, и это ликвидаторство является как раз той формой, в которой совершается теперешний исход побывавшей у социал-демократии (главным образом меньшевистской) интеллигенции к новому формирующемуся идейному центру мелкой буржуазии, к новой прослойке либерализма.

Рассматриваемая нами книга останется надолго памятником того, как в лоне меньшевистской

с.-д-ии воспитывались эти элементы буржуазной демократии и как долго они оставались незаметными для руководящих кругов меньшевиков.

Ибо в этой книге, прикрытая еще марксистским знаменем и под защитой марксистских имен, совершается работа выхолащивания основных идейных положений русской социал-демократии, необходимая предварительная работа новой буржуазной идеологии.

Это ближе всего относится к статье А. Потресова, посвященной истории социал-демократии с 1883 по 1905 г. Статья эта—«Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху»—самая значительная, и по размерам и по содержанию, в толстом сборнике. Уходящим из социал-демократии буржуазным демократам—красный угол: это заслуженная меньшевиками шутка истории...

Для А. Потресова, как и для громадного большинства его сотрудников, причины поражения русской революции лежат в той преобладающей, руководящей роли, которую играл в революции пролетариат, и основной грех его руководительницы—с.-д-ской партии—для них в том, что она отразила в своей идеологии эту роль пролетариата. Гегемония пролетариата и русская социал-демократия, для которой эта гегемония является исконной идеей («идея гегемонии, это—исконная концепция революционного русского марксизма»;—

пишет сам Потресов на стр. 614 «Общ. дв.»)—основные враги. Ecrasez l'infâme! Раздавите подлую! Вот, поистине, каннибальский крик, который вырвался из стесненной груди буржуазного интеллигента, когда торжество контр-революции высвободило его из-под кошмара «стихийной силы непосредственных классовых инстинктов» пролетариата (выражение сотрудника Потресова, Л. Мартова, стр. 675) и дало возможность хотя бы литературного реванша. По образцу всех просвещенных демократов, А. Потресов готов признать социал-демократию, но под тем условием, что у нее будет вырвана ее жало. В русском революционном марксизме этим жалом является искони идея гегемонии; в русской революции главенствующая роль пролетариата вызывала наибольшее ожесточение со стороны всех непролетарских элементов: идейная борьба против этой гегемонии—борьба, которая была основным содержанием философской, этической, тактической критики г.г. Бердяевых и Струве,—давно уже сменилась политической, реальной борьбой с так называемыми на либеральном языке «эксцессами» и «исключительностью» пролетариата, с Советами Рабочих Депутатов, с всеобщими забастовками, с систематическим разоблачением либерализма и с «левым блоком» [1]),—и

[1]) В 1905-07 г.г. меньшевики проповедывали и всюду, где это им удавалось, проводили соглашение с буржуазными либералами (кадетами). Большевики же отстаивали

видимо, по мысли редакции меньшевистского сборника, настало время для историка вбить осиновый кол в могилу этой идеи [1]).

и проводили соглашение пролетарских и крестьянских партий *против* кадетов. Эта последняя тактика получила в то время название тактики «левого блока», т.-е. боевого союза «левых», пролетариата и крестьянства. Полное развитие эта тактика получила в 1917 г., когда, в виде союза пролетариата и крестьянства, она разбила «правый блок», союз кадетов, меньшевиков и эсеров.

Прим. к наст. изд.

[1]) Чтобы показать всю своевременность этой задачи авторов сборника, приведем несколько слов из статьи центрального органа германской с.-д-тии, посвященной отчасти тому же вопросу о роли пролетариата. Вот, что написано там в номере от 9 июля 1909 года: «Вредоносной иллюзией было бы думать, что полевением буржуазии может быть решена задача демократизации России. Нет, эта задача остается за пролетариатом: он до сих пор стоял в авангарде, он же останется носителем революции и впредь». Чтобы стала еще яснее пропасть между историческим делом могильщиков идеи гегемонии и марксистской мыслью, притивопоставим этим словам признание одного из сотрудников и редакторов «Общ. дв.» (Л. Мартова), сделанное им в другом месте: «Общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие данного класса (буржуазии) не сделает его движущей силой». Это звучит в своем противоречии известной фразе Г. В. Плеханова 89 г. как признание: «Русская революция победит как движение буржуазии или не победит вовсе». Новейшая мудрость меньшевизма в словах основателя русской с.-д-тии заменила лишь одно слово: «рабочий класс» — «буржуазией».

Как видит читатель, борьба с идеей гегемонии не новость в истории развития русской политической мысли: все без исключения отвалы непролетарских групп от марксизма совершались под знаменем борьбы с этой идеей и *все буржуазные политические группы в России формировались в борьбе с этой именно идеей:* беззаглавцы, с.-р., «идеалисты», освобожденцы начинали свою политическую жизнь с борьбы против этой идеи. И каждая из этих групп охотно выдала бы рабочему движению патент на спокойное существование, если бы оно отказалось—в идее и на практике—от той роли в русской революции, которую оно призвано сыграть [1].

---

[1]) Освобожденцами назывались первоначально кадеты по их журналу «Освобождение», выходившему перед революцией 1905 г. за границей под редакцией П. Струве. Когда «освобожденцы» в ноябре 1905 г. образовали кадетскую партию, небольшая часть бывших освобожденцев в партию кадет не вошла и во главе с Кусковой, Прокоповичем и др. стала издавать журнал «Без заглавия». Отсюда их кличка беззаглавцы. Во всех существенных политических вопросах «беззаглавцы» шли за кадетами. Специальностью же их в качестве ренегатов марксизма была борьба с революционным марксизмом. «Идеалистами» здесь названа группа сотрудников вышедшего в 1903 г. сборника «Проблемы идеализма», в котором ряд бывших легальных марксистов, Струве, Бердяев, Булгаков и др., окончательно порывали с учением Маркса и защищали буржуазную идеологию. Все они в революцию 1905 г. фактически примкнули к кадетам. *Прим. к наст. изд.*

Это как нельзя более естественно, ибо в этой идее гегемонии учитывается та специфическая черта, которая в условиях буржуазной революции в России в начале XX века делала из рабочего движения *самостоятельное движение класса*, а не придаток «общенационального» движения буржуазного общества.

Естественно, что идея эта была основой «Искры», что она выделила русскую социал-демократию в предреволюционную и революционную эпоху из того конгломерата, который звался «русским» марксизмом в 90-х г.г. Естественно также, что борьба с этой идеей переходит по наследству от Струве к авторам «Кредо» и от них к Потресову.

И, как всегда, новая борьба с «исконной идеей русского революционного марксизма» пытается на первых порах остаться в пределах с.-д-тии.

Поэтому-то, на-ряду с попытками укрыться от Г. В. Плеханова под сень построений П. Б. Аксельрода, на-ряду с определенным, ничем не прикрытым отказом от всей эпохи старой «Искры», извращение всей истории идейной жизни русской социал-демократии является характерной чертой статьи А. Потресова. Все это извращение направлено к тому, чтобы представить «исконную идею русского революционного марксизма» как случайный и временный зигзаг демократической мысли. Потресов «хитро» рассчитал: если бы ему удалось внушить своему читателю эту мысль об интелли-

гентско-демократическом происхождении идей гегемонии пролетариата в русской революции, читатель уж до конца остался бы в полной уверенности, что ликвидация Плеханова и «Искры» произведена Потресовым действительно во имя «истинного» марксизма и «истинной» социал-демократии.

Чтобы сразу схватить дух направленных к этой цели извращений истории с.-д-ии, проделанных Потресовым, надо обратить внимание на слова, которыми сам Потресов охарактеризовал свой *метод* исследования. Сборнику своих статей он предпослал следующие слова: *«действующим лицом* его работ (курсив наш) неизменно оставался тот пестрый комплекс наслоений нашей русской общественности, который известен под общим названием—интеллигенция». Это действительно так: мысль Потресова с трудом переходит за грани интеллигентских кружков и логики их внутреннего развития; поэтому Потресов подменяет процесс действительной жизни процессом развития мыслей этих кружков. Из материалистического его метод становится «психологическим», и тщетно старается автор словесными увертками скрыть от себя, что его метод есть метод *идеалистический*.

Вся история социал-демократии, вся идейная борьба ее перестает быть для него отражением того своеобразного положения, в котором оказался пролетариат в предреволюционную и революцион-

ную эпохи, а движется по собственным законам, которые представляют не что иное, как открытые самим Потресовым законы развития русского разночинца-интеллигента. Немудрено поэтому, что у него пропадает живая основа, реальный нерв всей той позиции, которая знаменовала выделение чисто пролетарской линии социал-демократии в непрестанной борьбе с чуждыми ей буржуазными и мелкобуржуазными элементами.

В преддверии 90 г.г., когда марксизм, а затем и социал-демократия сделались впервые общественной силой в России, стоит фраза Плеханова о том, что русское революционное движение восторжествует как движение рабочих или не восторжествует вовсе. *«Буржуазная революция под гегемонией пролетариата»*—это не наша формулировка политических идей «Группы Освобождения Труда». Это формулировка настолько неизбежна, что ее вынужден был дать никто иной, как меньшевик Мартынов в первом же номере меньшевистского «Голоса Соц.-Дем.», чтобы затем в следующих номерах напасть на большевиков *как раз за то*, что они оставались все время революции верны этому основному положению «Группы Осв. Труда».

Плеханов констатировал факты, когда в 1888 г. писал: «Много ли таких людей («общества») в России? И могут ли эти люди победить правительство одними только своими силами? Возьмите

историю Франции, припомните историю Германии. Кто сражался на баррикадах в июле 30 года, общество или народ? Кто сломил монархию Луи Филиппа, рабочий класс или буржуазия?». Это напоминание Плеханова было убедительнейшим призывом и *совершенно достаточным* основанием для того, чтобы широкие круги интеллигенции, между прочим, и будущие идеологи нашей буржуазии всех оттенков,—почти что всерьез объявили себя марксистами и даже социал-демократами.

Но остановиться на этом пункте рассуждений Плеханова было возможно только для этих будущих идеологов буржуазии, только для Струве, только для Булгаковых и Изгоевых.

Социал-демократы должны были пойти дальше: работа действительно пролетарской мысли начиналась как раз там, где для свободолюбивой интеллигенции она кончалась. Для социал-демократии вставал вопрос: если, сражаясь на баррикадах в 30 и 48 г.г., пролетариат оказывался под политическим руководством буржуазии, то какую позицию должен занять русский пролетариат, чтобы избегнуть этого просвещенного руководства и *его политических последствий* в тот момент, когда на костях старого начнет воздвигаться новое здание эксплоатации рабочих. Плеханов напоминал историю европейских революций не только для того, чтобы увещевать «общество» не отворачиваться от рабочего движения, а и для того,

чтобы подчеркнуть тот урок, который должен был усвоить из этого опыта русский рабочий класс. Плеханов поэтому напоминал не только февраль, но и июль 48 года, то толкование, которое участию рабочих на баррикадах придала буржуазия руками Кавеньяка [1].

И поэтому только дальнейшим развитием мыслей Плеханова, а часто только конкретизацией ее была основная идея «Искры», идея гегемонии пролетариата в революции. Все, что было революционно-социал-демократического в русском марксизме, продвинулось в этом направлении; а все, что было буржуазно-демократического, объявило борьбу этой идее.

Коренная фальш потресовской истории заключается в том, что ему и в голову не приходит, что идея гегемонии была на всем протяжении истории русской социал-демократии реально-политическим выражением идеи о самостоятельной рабочей партии, стремящейся быть не только привеском к «общенациональному» движению, но ставящей себе целью довести это движение до такого предела, который гарантировал бы возможно бо́льшую свободу для борьбы за социализм.

---

[1] Известно, что в июле 1848 г. республиканская буржуазия расстреляла руками Кавеньяка рабочих, осмелившихся потребовать от революции и республики больше того, чем удовлетворилась буржуазия.

Прим. к наст. изд.

Никто из членов «Гр. Осв. Труда» не сознавал и не подчеркивал этого особого положения пролетариата в русс. революции так ясно, как Плеханов. Конечно, сообразно условиям 80-х годов эта идея не могла принять конкретных очертаний, она часто могла даже затеняться, и конкретизация этой идеи, тактические выводы из нее принадлежат другой эпохе в развитии социал-демократии. Но сам Потресов принужден привести из сочинений Плеханова того времени целый ряд мест, которые содержат в себе почти целиком все дальнейшие тактические выводы из этой идеи.

Сотрудники «Общ. движ.» хорошо это чувствовали, хорошо понимали, что, отвертываясь от тактических выводов старой «Искры»,—что они делают с большим усердием,—необходимо бить их основу—ту концепцию пролетариата - освободителя, пролетариата - движущей силы, которая заключена уже в первых произведениях Плеханова и которая осталась руководящей идеей большевизма, поддерживаемая неоднократно западноевропейской социал - демократической мыслью. (К. Каутский, Р. Люксембург). Не отваживаясь покуда на этот теоретический подвиг, они зато с особым чувством удовлетворения противопоставляют Плеханову Аксельрода, отыскивая у Аксельрода те именно места, где он больше всего поддавался гипнозу «общенационального» движения. И, Л. Мартов и Потресов специально и неоднократ-

но подчеркивают то, в чем Аксельрод отходил от Плеханова направо, к поглощению специальных задач пролетариата в буржуазной революции общими задачами борьбы нового общества со старыми порядками. *В этих отступлениях Аксельрода авторы сборника видят важнейшее наследство* «Группы Осв. Труда». И действительно, меньшевикам, которым трудно вести свое родословие от плехановской концепции, легко установить свою связь с подобными, например, заявлениями П. Б. Аксельрода: «Итак, *для принципиального политического антагонизма* между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией историческая почва еще не подготовлена, напротив, *их обоюдное и историческое положение навязывает им общую цель* и принуждает их к энергичной постоянной взаимопомощи» (курсив наш).

И немудрено, что Потресов приводит эту цитату как бы затем, чтобы подчеркнуть недостатки плехановской концепции, в которой отнюдь не было места для отрицания «принципиального политического антагонизма» между различными элементами нового общества в предреволюционную эпоху и которая, наоборот, зиждилась на признании различия тех задач, которые предъявляются различными группами делу ликвидации старого режима.

Но если уже в 90-х г. г. аксельродовская позиция в этом смысле извращала действительное взаимоотношение различных элементов в борьбе

с самодержавием, то теперь—после того как перед нашими глазами развернулась действительная картина действительного отношения пролетарских и буржуазных элементов к революции—теперь поднимать на щит подобное заявление, отвертываться от Плехановской концепции во имя Аксельродовских отступлений от нее, *это значит начисто отказываться от революции 905 года*, ставить минус к той роли, которую пролетариат в ней выполнил и теоретическое предвосхищение которой является основной заслугой теоретиков с.-д. в России. «Отсутствие принципиального политического антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией!»...—до революции 905 г. у соц.-дем. не было врага более живучего, чем этот политический предрассудок, постоянно и своекорыстно выдвигавшийся всеми фракциями непролетарской интеллигенции при их попытках наложить печать своего руководства на политическое движение рабочего класса. Трудно развернуть брошюру или статью противников русской социал-демократии в эпоху 900—905 г. г., невозможно найти буржуазного критика русской революции за 905—9 г.г., чтобы не натолкнуться на вариацию этого положения.

Положение об отсутствии принципиального политического противоречия между пролетариатом и буржуазией стало боевым кличем всей буржуазной демократии, ополчившейся против гла-

венствующей роли пролетариата в революции. Этой концепции «Освобождения», «соц.-революционеров», «беззаглавцев», «внепартийцев», вплоть до «Речи» того периода, когда г. Милюков еще «соглашался» носить «осла», была противопоставлена лишь одна идея, собравшая вокруг себя действительно революционно-социал-демократические элементы,—идея гегемонии пролетариата.

Нетрудно видеть, какую роль призваны были сыграть эти две идеи и их борьба: это была борьба за характер, размер и ход переворота, а вместе с тем и за характер самого рабочего движения в революции: будет ли это—классовое движение пролетариата, подчиняющего свои временные задачи своим конечным целям, или будет это движением рабочих, подчиненным руководству и задачам идеологов «общенационального движения», т.-е., говоря проще, буржуазии.

История борьбы этих двух политических систем—поучительнейшая сторона партийного развития, и, только проследив ее, мы поймем, куда идут Потресовы со своей критикой,

Сам Потресов не мог, при всем желании, извратить историю этой борьбы настолько, чтобы совершэнно затушевать суть дела.

Перелистаем эту историю с этой точки зрения.

А. Потресов должен неоднократно подтверждать на протяженнии своей статьи, что формула «буржуазная революция под гегемонией пролетариата»

точно охватывает воззрения «Группы Освобождения Труда».

Не забудем же в дальнейшем, что эта формула точно предвосхитила действительный характер переворота и что, таким образом, направленная против нее критика была не чисто теоретическим спором, а, в свою очередь, предвосхищением политических позиций боровшихся с пролетариатом внутри самого общественного движения групп буржуазии.

Следующая эпоха—эпоха легального марксизма. И здесь идея руководящей роли пролетариата остается главенствующей в среде марксистов. Но она получает два совершенно отличных оттенка. С одной стороны разрабатывается дальше идея Плеханова («Задачи русских социал-демократов». Ленина), с другой стороны она принимает типично-интеллигентский оттенок. В этом своем виде—элементарном и грубом—она сводится к голому признанию того факта, что *сейчас* пролетариат—единственная революционная сила. Весь тот сложный комплекс идей, который вкладывался в идею пролетариата-освободителя, делая ее связующим звеном между политическими задачами пролетариата в буржуазной революции и его конечными, социалистическими целями, оказался выброшенным за борт свободолюбивой интеллигенцией. Это пришлось ей не по плечу. Но зато с тем большей радостью схватилась она за первоначальные

звенья плехановского рассуждения. «Пролетариат освободит Россию»—это интеллигенция усвоила, и, освободив эту мысль от всего сопровождающего, она скоро должна была притти к мысли, что нужное ей дело сделает только такой пролетариат, который не откажется итти за буржуазными идеологами. Так интеллигентское толкование гегемонии пролетариата в 90-х годах легко и естественно, уже на рубеже 900-х, перешло в противоположность гегемонии, в борьбу с идеей гегемонии пролетариата, с классовым характером его задач в революции, в борьбу с его самостоятельной партией. Рекомендация политического воздержания для пролетариата была разновидностью того же уклона мысли.

Потресов в своих целях компрометации идей «Группы Осв. Труда» и «Искры» и их продолжателей—большевиков, использовал внешнее совпадение социалистической и буржуазно-интеллигентской мысли, когда попытался сыграть на том, что идея гегемонии выдвигалась в те времена (середина 90-х годов), между прочим, и Струве.

Процитировав статью г. Струве из «Работника» и пододвинув к ней брошюру Ленина «Задача русских социал-демократов», А. Потресов начинает разводить в недоумении руками по поводу того, что «насмешка истории»,—в статье «буржуазного» Струве, пожалуй, более решительно и громко, чем у социал-демократа Ильина (Ленина), звучит эта

нота,—предвестница той будущей концепции, которая в работах Ленина нашла свое специфическое развитие (стр. 580). Потресов очень уже простыми средствами заставляет свою «историю» смешить себя. Но все же смеется Потресов сквозь слезы. Ибо сближение «ноты» Ленина с «нотой» Струве, столь же убедительно, как и попытка Мартынова доказать редакторство Ленина в «Рабочем Деле». И та и другая попытка должны кончиться плачевно для их авторов.

Действительно, в «концепции» Ленина уже в «Задачах» «гегемония» была, так сказать, гегемонией социалистических задач над временными политическими задачами, подчеркиванием необходимого,—единственно дающего смысл существованию русской соц.-демократии,—сочетания ближайшей задачи буржуазной революции с конечной целью пролетариата. Надо действительно сравнить брошюру Ленина и статью Струве, чтобы увидеть, что если у первого идея гегемонии являлась ответом на вопрос: какое положение должен занять пролетариат в русской буржуазной революции, чтоб выйти из нее в максимально свободных условиях для борьбы за социализм и максимально-способным к ее успешному ведению, то Струве провозглашал гегемонию только как результат того, что у тогдашних демократов не было на кого возложить своих политических надежд. И чем больше он надеялся на пролетариат,

тем скорее он стал освобождать этот пролетариат от свойственных последнему неприятных черт. Когда стало ясно, что это не удастся, Струве стал искать уже специально такой группы, которая бы оказалась способной низвергнуть и заместить пролетариат в его роли в деле освобождения. И если ныне Потресов, идя по проложенным г-ном Струве следам, стремится освободить пролетариат от этих же неприятных черт и жадно высматривает в русском обществе заместителей пролетариата в качестве «движущей силы» освобождения, находя их в нынешней аудитории того же г-на Струве, то это должно было бы подсказать ему, что говорить о «насмешках истории» для него не безопасно. Для Потресова эта «история» воплощается в приветствиях, которыми награждал Струве меньшевиков в той же мере, в какой для автора «Задач русских социал-демократов» она воплощалась в политической ненависти кадетов к большевизму.

Но смешение двух тенденций, проделанное Потресовым, понадобилось ему для того, чтобы скрыть тот факт, что во всей дальнейшей истории идея гегемонии является оселком для испытания *социалистичности* различных общественных групп и что *борьба против этой именно идеи была первым шагом процесса самопознания русской буржуазной идеологии*. А стушевав этот *исторический* факт, ему легко было в дальнейшем объявить

бланкизмом совокупность идей «Искры» и ее продолжателей и уйти с поля сражения под маской социал-демократа, тогда как на самом деле он порвал с основной идеей русской революционной соц.-демократии.

В самом деле. «Критика марксизма», сменившая эпоху легального марксизма, заполнившая собою конец 90-х годов, очень быстро нашла своего врага, и *все* ее выступления—откуда бы они ни шли—берут идею гегемонии в штыки, тем самым разоблачая и собственную свою буржуазную природу и знаменательную роль этой идеи. И, конечно, «критика» направлена не против Струвевского, а против плехановско-ленинского понимания роли пролетариата в русской революции.

Для Потресова с его «психологическим», а не материалистическим методом, с его непониманием совокупности *политических* идей, включенных в формулу «гегемонии пролетариата»,—процесс формирования русской буржуазной идеологии в борьбе с марксизмом представляется удивительно аляповато-простым результатом интеллигентской мысли.

«Марксизм,—пишет Потресов,—санкционировал движение интеллигенции в рабочую среду, *но он санкционировал одно лишь это движение.* Неудивительно поэтому, что большая часть демократической интеллигенции, которая, вовлеченная в стези марксистских идей, тем не менее не *хотела*

и не могла найти для себя приложения сил в обслуживании пролетариата, что эта интеллигенция должна была вскоре почувствовать несоответствие марксизма ее собственным задачам и целям» (курсив наш).

Вот поистине образчик потресовского метода объяснения исторических фактов из кружковой жизни интеллигентских групп. Какой долей политической наивности надо обладать, чтобы в завязавшейся борьбе пролетарских и либеральных тенденций в среде шедшего к революции общества увидеть результат того, что та или другая часть интеллигенции «не могла найти для себя приложения сил в обслуживании пролетариата».

По своей великолепной наивности это «объяснение» может конкурировать только с соображениями того же Потресова, что идея «гегемонии пролетариата» была не чем иным, как *зигзагом демократической мысли.*

А на самом деле загадка идейной борьбы с революционным марксизмом в предреволюционную эпоху не так уж головоломна,—особенно для историка, перед глазами которого теперь уже не только страницы брошюр и журналов, а опыт массовой и открытой борьбы.

Формулы, выдвинутые со стороны либерализма против идеи пролетариата как главной движущей силы революции, теперь наполнены конкретным содержанием, и читатель, просматривая те

данные, которые приводит сам Потресов,—и вопреки его указке,—легко вскрывает их политико-социальное содержание.

Первый протест против руководящей роли пролетариата в русской революции известен под именем «Кредо» [1]). Оно протестует против самостоятельной политической партии пролетариата, против специфически-пролетарских задач в революции («для русских марксистов исход один: участие в либеральной оппозиционной деятельности») и, конечно, погребает идею «гегемонии пролетариата»; пролетариат как одна из колонн политически-единой армии «общенационального движения»—вот мысль, которая была противопоставлена авторами «Кредо» «исконной идее русского революционного марксизма». Политическое руководство либерализма пролетариатом как наиболее выгодный тип революции для буржуазии,—вот смысл «Кредо» и всей последующей борьбы буржуазной демократии с социал-демократией, и, не поняв идеи гегемонии и ее значения, нельзя понять и всего смысла этой борьбы и этой эпохи.

---

[1]) Документ, известный под именем Credo (Верую, исповедание веры), составлен в 1899 г. Е. Кусковой, числившейся тогда социал-демократкой и стоявшей в первых рядах интеллигенции, рвавшей тогда с марксизмом и пролетариатом. Документ этот вызвал немедленный, решительный и резкий отпор со стороны Ленина, находившегося тогда в ссылке. Отповедь, составленная

По мере того как политическая мысль социал-демократии от общих вопросов переходит к вопросам политики и тактики, эта борьба все больше разрастается.

Протест либералов (а все «Освобождение», весь тогдашний «идеализм» построены на этом протесте против идеи гегемонии) является тем более знаменательным, что он становится всеобщим в непролетарской среде как раз тогда, когда эта идея становится практическим путеводителем «Искры» и в ней получает свою конкретизацию. При наличности этих фактов объявить идею гегемонии, как это делает Потресов, *зигзагом мысли демократической интеллигенции*, это значит—не только ничего не понять в истории политической мысли последнего десятилетия, это значит *извратить* историю во имя словесного уязвления..... большевиков.

Если мы к общеизвестным фактам из истории русского либерализма прибавим то, что и в на-

---

т. Лениным, была вскоре затем опубликована за границей и в России под заголовком «Протест русских социал-демократов». (См. соб. соч. Н. Ленина, т. I.) Составление этого «протеста» описано тов. Лепешинским в его воспоминаниях «На переломе».

Мартов и Потресов, не успевшие еще изменить революционному марксизму, присоединились тогда к этому протесту. (См. Л. Мартов. Записки социал-демократа, стр. 408-9.) *Прим. к наст. изд.*

родничестве (социалисты-революционеры) определяющим моментом служила критика идеи о главенствующей роли пролетариата во имя распределения этой роли между интеллигенцией, крестьянской демократией и рабочим классом, то мы должны будем убедиться, что протест против основной идеи революционной социал-демократии о роли пролетариата в русской революции является общим знаменателем для *всех* буржуазно-освободительных тенденций русского общества.

Специфической чертой русской социал-демократии эпохи господства идей «Группы Освобождения Труда» приблизительно до конца 98-го года, до времени раскола заграничного «Союза», было, по признанию нашего историка, «выдвигание освободительной миссии пролетариата», идеи пролетариата-гегемона. Следующие годы были эпохой отказа от этой идеи, критикой ее, борьбы с ней. Это течение проникло и в самое социал-демократию.

И эту черту эпохи берет как главного своего идейного врага «Искра»[1]). Она с первых же номеров ставит диагноз этому отказу от идеи гегемонии как симптому нарождения буржуазных течений под покровом марксизма, как стрем-

[1]) Газета «Искра», руководимая Г. Плехановым и Н. Лениным, была в 1901—1903 г. г. центральным органом всех революционных социал-демократических групп, кружков и комитетов партии.

лению подчинить рабочее движение руководительству чуждых ему элементов.

Искра взяла тогда этот протест против идеи гегемонии как вопрос о *существовании* социалдемократии и иначе поступить не могла, ибо еще раз прав противник этой идеи, Потресов, заявляя, что она является «исконной концепцией революционного русского марксизма». «Борьба с ними (с противниками этой «исконной» концепци) это — борьба за существование социал-демократии в современной России», писала еще «Группа Освобождения Труда».

Ко времени возникновения *Искры* в результате борьбы различных тенденций ставится на очередь коренной политический вопрос во всей его сложности. Какая идея и какой класс будет главенствовать в русском революционном движении? «Национальная идея» подчинит ли себе классовую борьбу пролетариата и буржуазный либерализм, оттеснив социал-демократию, добьется ли руководящей и направляющей роли в движении?

На высотах идеологии—в области философии и этики—свергают с трона освободительные стремления пролетариата, водружая на «очищенном» месте знамя «человеческой личности», а в области политики пролетариат приглашается подчинить свои специфические задачи «национальной идее». Создается система,— с на-

правленным против партии рабочего класса остреем,—в которой, по выражению «Освобождения», «идея либерализма и политической свободы впервые занимает *не побочное, а центральное место*».

История в ближайшие годы раскрыла общественно-политическое содержание этих, кое-кому казавшихся темными, формул. Теперь уже нетрудно в этой критике роли пролетариата, в «национальной идее», в «центральном месте» либерализма, в нападках на пролетарскую «исключительность» увидеть идейную подготовку к реальной борьбе с теми методами и целями русского рабочего движения, которые выходили за пределы торговли с властью за буржуазную монархию.

Борьба с забастовками, с Советами Рабочих Депутатов, проклятия восстанию, вплоть до «безумия стихий» и до «красной тряпки» г. Милюкова,—уже включены в эту «систему» и вытекли из одного источника, из стремления придать движению характер, наиболее выгодный для эксплоататорских классов.

Мы видим, таким образом, что вопрос о «гегемонии» не был ни злокозненной выдумкой Ленина, как это представляет наш мудрый Потресов, ни результатом того или другого «метода мышления», как это рисуется меньшевистским историкам. Этот вопрос был центральным уз-

лом, где сходились все противоречия первой русской революции. Буржуазия или пролетариат, «национальная идея» освобождения или классовая борьба—все проблемы русской революции сходились у этого пункта, и потому-то *Искра,* к вящшему сожалению Потресова, так много занималась вопросами «гегемонии». «Системе» буржуазного руководительства пролетариата она противопоставила свою «систему» пролетарской политики.

Ни эта «система», ни характер пролетарского движения не нравится Потресову и его товарищам. Они не находят достаточно хулительных слов, чтобы охарактеризовать старую *Искру*, *Искру* Плеханова-Ленина. Они прилагают возможно больше усилий, чтобы отмежеваться от нее. От чего они отмежевываются и во имя чего?

Мы видели сейчас, перед какими вопросами стала *Искра* и какое наследство она получила.

Вопрос о том, кому должна принадлежать руководящая роль в движении—буржуазии или пролетариату,—она решала в сторону пролетариата; вопрос о том, что должно стать доминирующей идеей русской революции—общенациональная идея или идея классовой борьбы,—она решала в пользу классовой борьбы.

Это не может нравиться тем, кто исходит в своих построениях из идеи, что «для принципиального политического антагонизма между на-

шим пролетариатом и либеральной буржуазией историческая почва еще не подготовлена» и что общенациональная задача легко осуществима, когда пролетариат отказывается от своей «исключительности». Поэтому авторы «Общ. движ». не могут быть довольны ответами *Искры*. В течение трех лет (1900—1903) будучи соредакторами (или рабами) плехановско-ленинской *Искры*, они и бунтуют теперь, как рабы, боясь поставить точки над i.

Всех поводов неудовольствия старой *Искрой* мы не можем здесь перечислить: так их много. Оказывается, что организационно - политическую линию *Искры* определяет собой «бланкизм, который в ее время быстро идет к господству» (Потресов, стр. 168), что *Искра* слишком увлеклась «политицизмом» и слишком строго расправилась с экономизмом, что в ее эпоху образовалась «партийная аристократия» и «партийный плебс» (Егоров, стр. 404), наконец, что ее практика «глушила первоначальные всходы пролетарской самодеятельности» (Потресов, стр. 618) и т. д. и т. п. Но и для самих прокуроров это только орнаментика обвинительного акта.

Искра конкретизировала идею руководящей роли пролетариата в русской буржуазной революции. То, что для «Группы Осв. Труда» было общим, теоретическим положением, принципом участия пролетариата в буржуазной революции,

то *Искра* перевела на язык реальных общественных отношений, развила в политическую систему.

Искра не только собрала партию, сгруппировала и дала руководящие начала для целого ряда элементов, везде оказывавшихся во главе рабочего движения и рабочих организаций, она— исходя из анализа общественных сил России— сумела подметить тенденции и взаимоотношения, которые всем ходом революции были с несомненностью подтверждены, и, таким образом, наметить для пролетариата как раз ту роль, которую он и призван был сыграть в революцию. И если теперь историки-меньшевики, как Мартов и Потресов, вынуждены сознаться, что действительными продолжателями линии *Искры на деле* были большевики, а меньшевики *на деле* своей тактикой на каждом повороте событий оказывались в противоречии с линией *Искры*, то это признание тем более ценно для нас, что большевики никогда ни на что другое и не претендовали, как на то, чтобы быть в русском пролетарском движении представителями революционного марксизма, нигде до тех пор не воплощенного столь ярко, как в *Искре*. Что касается методов собирания партии, то, обрушивая на *Искру* и будущих большевиков всем набившие оскомину упреки в бланкизме, в идеализации «профессиональных революционеров» и проч., наши историки не могут скрыть того факта, что это была

борьба «за такие методы ее построения, при которых этой партии максимально обеспечивалась чистота социал-демократических принципов» (Потресов, стр. 611).

Рядом с этим признанием крики о «бланкизме», о «диктатуре организации над движением масс» и прочие словечки из обычного словаря международного оппортунизма совершенно понятны и естественны со стороны той группы, которая в борьбе с партийно-организационными взглядами *Искры* должна была обратиться и обратилась к идейному багажу экономизма [1]), которому, по признанию Мартова (стр. 400), книгой Ленина «Что делать» был нанесен решительный удар. Можно, как это делает тот же Мартов, сколько угодно аппелировать от решительной критики оппортунизма Лениным к специально «мягкой» критике экономизма П. Аксельродом (стр. 382),—это лишь показывает, что «решительность» в борьбе с «экономическими»,

[1]) «Экономистами» в 1898—1903 г.г. в партийной среде называли группу литераторов и практиков, проводивших оппортунистические взгляды и боровшихся с «Группой Освобождения Труда» и «Искрой». Взгляды экономистов выражала газета «Рабочая Мысль» и журнал «Рабочее Дело». В проповеди оппортунистических взглядов экономисты были предшественниками меньшевиков, с которыми и слились после раскола 1913 г. Одним из руководителей экономистов был А. Мартынов.

Прим. к наст. изд.

т.-е. оппортунистическими, предрассудками скоро, слишком скоро, оказалась не по плечу наиболее легковесным из «искровцев». Конечно, и все ошибки Плеханова во время революции проистекли именно из того, что он *не провел* последовательно той линии, которую сам *вел* в старой «Искре».

Егоров в своей статье дал удивительную по неожиданной рельефности картину *параллельности* борьбы экономизма против «Гр. Осв. Труда» и «Искры» и меньшевизма против большевиков. Кроме тезиса о преждевременности политической борьбы, буквально нет ни одного тезиса «экономистов», вызвавшего критику «Искры», который в том или другом, а чаще в том же виде не был бы выдвинут меньшевизмом. Как мы видели выше, меньшевики не нашли даже новых терминов для своей борьбы с революционной социал-демократией, чем те, которые в конце 90-х годов были захватаны руками экономистов. Во всяком случае Мартов, редактировавший статью Егорова и сам бывший соредактор «Искры», вряд ли остался доволен той неловкостью, которую проявил этот его сотрудник в тщетной попытке дать критику «Искры», в чем-либо расходящуюся с критикой экономистов [1]).

---

[1]) Под псевдонимом А. Егоров выступал в сборнике «Общественное движение» тот же Мартов, бывший в свое

Посудите сами. Характеризуя «практиков» конца 90-х голов, т.-е. экономистов, «молодых», Егоров пишет: «Она (периферия того времени) решительно выступала против идеи образования соц.-дем. партии, настаивая на том, что рабочая партия может вырасти лишь органически из самого рабочего движения, когда оно—в лице массы рабочих—вплотную подойдет к политическим задачам и когда сами местные организации, утратив свой иерархический и интеллигентский характер, станут рабочими организациями, охватывающими всю борющуюся часть пролетариата. Всякий другой путь образования партии объявляется «заговорщическим» и «народовольческим». Эта историческая справка об аргументации экономистов, в борьбе и для борьбы с которыми основалась *Искра*, с своими полуироническими кавычками дана на странице 382; а на 405 и 406, характеризуя воплотившую этот «другой» ненавистный экономистам путь *Искру*, тот же Егоров, с высоты историка, разоблачает тот «заговорщический», «сектантский», «интеллигентский» и «бланкистский» (то же самое, что «народовольческий» по терминологии «экономистов») характер, который приняла партия, идя за *Искрой*.

время соредактором «Искры», но ко времени выхода сборника решительно порвавший со взглядами этой газеты.
Прим. к наст. изд.

Спрашивается, приятно ли публицисту Мартову узнать от историка Егорова, что единственное, что нужно было делать ему в то время, когда он (по молодости) помогал создавать *Искру*, это—внять предостережениям «более трезвенных» экономистов и бежать, как можно дальше, от этой *Искры*, столь пунктуально подтвердившей худшие предсказания экономистов, как это нам теперь свидетельствует историк Егоров. Ибо из слов Егорова явствует, хотя он и не хочет прямо это сказать, что в борьбе *Искры* и «экономистов» за методы создания партии правы были именно «экономисты», что бы там ни говорил Плеханов, упрекавший экономистов в том, что их путь построения партии граничит с отрицанием надобности таковой. Поверив Плеханову, Мартов оказывается, на поверку историка Егорова, лишь продемонстрировал *Искрой* правоту «экономистов» и законность их предостережений.

По следам Струве, по следам «Кредо», по следам экономистов — вот путь меньшевистской «истории», проводящей защиту «исконных» идей либерализма под флагом социал-демократии.

Статья вторая[1]).

Мы закончили первую статью разбором отношения меньшевиков к организационной позиции *Искры*. Теперь нам предстоит присмотреться к их отношению к *политической* линии *Искры*, особенно в вопросе о либерализме, и к их общим *выводам* относительно роли пролетариата в революции.

Общее значение «экономизма» в русской социал-демократии, которое систематически преуменьшается и Потресовым и Мартовым, было очень значительно. Какой бы по внешности «чисто» пролетарский характер не носила идеология экономистов, на самом деле своим принижением политической деятельности рабочего класса, своей тенденцией к растворению партии в классе она шла по той же дорожке, по которой прошло «Кредо», и, в конце концов, незаметно для себя отдавала политическое руководство движением буржуазному либерализму. Немудрено поэтому, что *Искра* в своей борьбе за пролетарскую политику в революции столкнулась с «экономизмом» и была вынуждена к самой решительной борьбе с ним, как естественно и то, что с оживлением идеи «общенационального»

---

1) «Пролетарий», № 49, 3 октября 1909 г

характера движения политические предрассудки, жившие в «экономизме», получили *полное признание и развитие* в меньшевизме, впервые совместившем в русской социал-демократии идею политической партии пролетариата с ее подчинением задаче сотрудничества с буржуазией. В этом виде впервые основная тенденция «критики» конца 90-х годов получила приемлемый для части рабочих вид и послужила общей формой, в которой оппортунизм вступил в революцию.

Реакция против «экономизма» хранила в себе две струи, две «политики». Если признание политических задач социал-демократии было общим для противников—и «мягких» и «решительных»—экономизма, то это не исключало того, что многие тенденции экономизма оказались в наличности у части его противников. И ныне, предпочитая «мягкую» критику экономизма «решительной», авторы «Общ. дв.» «мягко» относятся не к тому, что экономизм отстаивал преждевременность политической борьбы для рабочего класса, а к тем именно чертам воззрений экономистов, которые позволяли ему отодвигать назад специфически - пролетарские задачи рабочего класса в революции. Недаром даже среди меньшевиков нет более рьяного защитника «общенационального» характера движения, чем «экономист» Мартынов.

С точки зрения этих групп, горячо защищавших тезис о необходимости политической борьбы и политической партии пролетариата, русское революционное движение рисовалось в виде «национального движения» всего общества, классовая борьба внутри которого *покрывается* общими целями и различные элементы которого подвигаются на борьбу *теми же* силами, лишь большей или меньшей тяжестью давящими на разные слои общества. С этой точки зрения пролетариату неизбежно итти в ряду с другими общественными силами, отнюдь не покушаясь на какую-либо *руководящую* роль, ибо такая роль пролетариата ниминуемо *оттолкнула* бы известные оппозиционные слои, *расстроила* бы тем ряды движения и тем самым обессилила бы «общенациональное» движение. Такова эта несложная система, построенная на первых двух действиях арифметики. Мы видели уже выше, что сторонники подобной системы находились во всех оппозиционных партиях, и, когда в «Освобождении» г. Струве с горячностью доказывал своим либеральным друзьям из земцев важность и полезность рабочей партии, он, конечно, имел в виду ту же арифметику.

Идея гегемонии пролетариата, положенная в основу *Искры*, была сложнее как раз в той мере, в какой революционная борьба 905—6 г.г. оказалась сложнее сложения и вычитания.

До известного времени этим «политическим» течениям можно было итти рядом, и только тогда, когда *на деле* стали вырисовываться позиции пролетариата, эти тенденции разошлись, чтобы, поскольку и та и другая оставались в пределах *рабочего* движения, сталкиваться в революции как две конкурирующие тактики. Надо сказать, что одна из этих тенценций, та, которая устремилась к «общенациональному» характеру движения, часто выходила за эти пределы, встречая гораздо больше сочувствия у либерализма всех оттенков, чем в рабочей среде.

В этом своем виде, ограничивающем задачи и тактику пролетариата в революции задачами и тактикой «общенационального» движения, эта система стала официальной политической системой меньшевизма, который и сделал из нее тактические выводы в эпоху революции: завет—«не отпугивайте буржуазию», поддержка общих лозунгов, союзы с кадетами, урезка требований во имя единства «всей оппозиции» и всяческая защита кадетизма против революционной социал-демократической критики,—вот тот путь, которым шел меньшевизм в революции, и вот почему его бессилие в рабочих массах вызвало такое сожаление на страницах «Речи» и «Товарища» [1]).

---

[1]) Газета буржуазной интеллигенции во главе с Е. Кусковой и Прокоповичем в эпоху первой революции.

Только историку, насквозь пропитавшемуся этой оппортунистической мудростью, может казаться, что партийно-политическое оформление либерализма и народничества могло исказить перспективу гегемонии пролетариата (Потресов, стр. 625). Для тех, для кого «гегемония» была не политической идеей, а простым результатом печального факта отсутствия других, кроме пролетариата, общественных сил, для них «гегемония» кончалась в тот момент, когда эти силы выступали на арену. Для них одного факта появления либерализма было уже достаточно, чтобы началась вожделенная эпоха «соглашений». Поэтому Потресов, как только оформились либеральные политические течения в русской жизни, поторопился отряхнуть прах «гегемонии» и поспешил с своим проектом соглашательских пунктов для либералов (на II съезде партии в 903 г.), попытка, которая т. Плехановым тут же была ограничена постановкой на очередь задачи разоблачения анти-демократического и анти-революционного характера русского либерализма. Как мы видим, для будущих меньшевиков (как и для бывших марксистов) гегемония пролетариата благополучно кончалась на соглашениях с либерализмом, то-есть как раз там, где для действительных защитников классовых задач пролетариата в буржуазной революции эта гегемония становилась проблемой, вопросом о том, сможет ли пролетариат удержать за

собой такую позицию в системе сил пробуждавшегося движения, которая обеспечила бы ему максимум благоприятных условий для его дальнейшей борьбы. Оформление либерализма обозначало прогрессивный шаг (как это постоянно и подчеркивала и *Искра* и Ленин), но для социалистов, не разучившихся—от радости перед этим прогрессом—мыслить *диалектически*, это оформление вместе с тем обозначало оформление силы, неизбежно стремящейся занять доминирующее положение в борьбе и свести пролетариат к орудию в своих руках. Конечно, переход буржуазных элементов от аморфного состояния к политическому оформлению был прогрессивным явлением, но этот процесс нес в самом себе тенденцию к ограничению, окарнанию революции и ее задач, и оформливающийся либерализм должен был попытаться на *свой* путь увлечь поднимавшиеся народные массы. В этих пределах и возникал вопрос о гегемонии как вопрос о ходе и характере революционного движения.

И сколько же нужно политической наивности, граничащей с полным непониманием положения и интересов пролетариата в русской революции, чтобы самодовольно пояснить, что идее гегемонии подходил конец с концом «монопольного положения *Искры* и монополии социал-демократической организованности» (Потресов, стр. 617). Вот еще один образчик объяснения исторических тенденций

из истории тех или иных журналистов и тех или других кружков. Говорите за себя, уважаемый историк, когда вы в гегемонии видите результат увлечения интеллигенции пролетариатом, результат «монопольного положения *Искры* как единственного в России свободного органа». Действительная идеология гегемонии, действительная идея *Искры* коренилась не в истории газет «Искры» или «Освобождения», а гораздо глубже, в том взаимоотношении классов, которое раскрылось в революции.

И если бы наш историк искал корней идеи гегемонии не в своем собственном недомыслии, а в действительной роли пролетариата в революции, он должен был бы обратить внимание на факты, засвидетельствованные его же сотрудниками. А они вот каковы.

«В массовом движении мог играть исключительное влияние только рабочий класс», пишет П. Маслов (стр. 655), безграмотно («играть влияние»!) подходя к признанию, что в городах движение носило «характер почти исключительно *рабочего* движения» (стр. 656, курс. Маслова).

Другой автор, Л. М. (т.-е. тот же Мартов), *подводя итоги* сборнику, пишет о *факте* руководящей роли пролетариата в движении, о том, что «все остальные оппозиционные слои города были или раздираемы внутренними противоречиями, или слишком малочисленны, или не имели одина-

кового с ним значения в хозяйственной жизни» (стр. 673). И подобных признаний—десятки, не только в социал-демократической, но и в эсэровской литературе. Реальный ход революции подтвердил «теорию» *Группы Осв. Труда* и *Искры*— «буржуазная революция под гегемонией пролетариата».

Таково и свидетельство сотрудников Потресова, отнюдь не склонных к идее гегемонии: оба они, и Маслов и Мартов, в этой роли пролетариата видят причину *слабости* движения и предвидят успех только от укрощения «классовых страстей» пролетариата, несдержанность которых слишком-де далеко заводила пролетариат в его борьбе. Но тем паче, значит, можем мы поверить их свидетельству, показывавшему, что идея гегемонии отражала как раз реальную роль пролетариата в русской революции, из этого *факта* делала политические выводы.

Странным же должен показаться наш историк, объясняющий господство идеи гегемонии в русской социал-демократии «монопольным положением» *Искры* и узревший последний удар этой идее в факте возникновения эсэровской революционной России и либерального «Освобождения». Между тем оформление либерализма и конец монополии *Искры* обозначал лишь возможность для таких *рабов* идеи гегемонии, с трудом сносивших «ярмо» социал-демократической «исключительности», как

сам Потресов или на другом полюсе Мартынов, немедленно броситься в объятия «общенациональных задач». Другие же, оставшиеся верными знамени «пролетариата, борющегося под собственным знаменем и во имя своих классовых интересов, отличных от социальных интересов всех других классов», продолжали в своих построениях отстаивать идею пролетариата, присоединяющего к себе революционную демократию в борьбе за новый строй как с крепостническими силами старого порядка, так и с ограничивающими тенденциями буржуазной оппозиции. Доминирующее положение пролетариата в ряду всех других оппозиционных и революционных сил подсказывало *Искре* проповедь той тактики, которая действительно скоро стала тактикой открытой борьбы масс. В этом ее заслуга и это же причина недовольства наших критиков и историков, с одинаковым усердием обрушивающихся *и* на *Искру*, *и* на тактику пролетариата в революции.

Потресов свидетельствует, что «в первом же номере *Искры* очередная задача политической агитации в рабочем классе и его политической организации *упирается в идею гегемонии пролетариата* и его социал-демократического авангарда *в деле политического освобождения России*» (стр. 613, курсив. наш).

Мы не можем здесь дать детальной картины политического облика *Искры*; достаточно для на-

шей цели будет показать, какое содержание вкладывала *Искра* в эту идею гегемонии, т.-е. какие политические и тактические выводы она из нее сделала. И вот это характерно: даже тот материал, который дают для характеристики *Искры* враждебные ей Потресов и Мартов, показывает, насколько трезво и реально учла *Искра* положение пролетариата среди других сил русского общества и задачи, выдвигаемые перед ним ходом действительной борьбы. Она учла буржуазный характер революции,—и это было ее боевым пунктом в борьбе со всяческой революционной романтикой народничества; но она учла также и национальные особенности русской буржуазной революции, ее специфические черты,—и это было основой ее борьбы со всяческим оппортунизмом тех, кто во имя общенационального характера движения, во имя *шаблона* буржуазной революции вел линию подчинения пролетариата «общим» задачам или «союза» с буржуазией во что бы то ни стало.

Поняв «первенствующее политическое значение рабочего движения» в *буржуазной* революции России, *Искра* видела задачу партии пролетариата в том, чтобы ее позиции соответствовали этой роли рабочего движения. На каждом повороте она боролась с «передачей руководящей роли в руки буржуазной демократии», справедливо видя в руководящей роли пролетариата гарантию максимальных завоеваний для пролетариата в революции.

Констатируя первенствующее значение рабочего движения для буржуазной революции, направляя партию пролетариата к отвоеванию себе руководящей роли в освободительном движении, *Искра* видела в этом условие доведения буржуазной революции *до конца*, до крайних пределов развития заложенных в новой русской экономике революционных возможностей. «Мы должны развить революционную мысль и революционное дело до последних пределов и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачивает нашу революционность»... (№ 18). Дело доведения буржуазной революции до конца, до *полной* очистки почвы от всех остатков крепостничества—и экономического и политического,—мыслимо, однако, лишь как дело пролетариата, становящегося во главе революционных слоев населения *против* не идущего дальше половинчатых мер либерализма и против его попыток собрать вокруг себя демократию [1]). Совершенно логичной поэтому была на

[1]) Быть может, иной читатель, прочитав нашу общую характеристику «Искры»—с ее идеей гегемонии, борьбой с либерализмом и тактикой, направленной к *доведению буржуазной революции до конца*,—спросит, чем же отличается «большевизм» от «Искры»? Такому читателю мы ответим: большевизм отличается от «Искры» только тем, что является конкретизацией и дальнейшим развитием основных идей последней. Это относится и к тем чертам большевизма, которые характеризуют его отношение к крестьянству и крестьянскому революционному

страницах *Искры* жестокая кампания разоблачения истинного характера либерализма. Кампания эта дала блестящие результаты, учесть которые оказалось возможным лишь в самом ходе революции, когда всяческие попытки либерализма заполучить себе рабочую аудиторию терпели фатальное фиаско.

Этим для умевшей мыслить по-марксистски «Искры» отнюдь не исключалось признание прогресивности оформления либерализма. Мы уже видели выше среди «марксистов» людей, для которых признание наличности тех или других оппозиционных фракций в общественной среде было в то же время признанием необходимости для пролетариата соглашения с ними. Для них совершенно недоступны основы революционной тактики *Искры*. К этому типу марксистов принадлежит и

движению. Этой стороны «Искры» мы здесь не могли коснуться, но нам придется потолковать о ней подробнее особо.

Рядом с этим полезно будет указать, что для отношения меньшевиков к «Искре» нет ничего характернее следующего обстоятельства. *До революции*, в 1900—903 г.г., *вся* «Искра» в целом считала борьбу с буржуазным либерализмом неизбежной задачей. *А в революции*, в 905—7 г.г., меньшевики употребляли все усилия, чтобы *обойти* эту задачу, видя в ней больше всего *помеху* делу.

Сравнение того, во что привратились идеи «Искры» *в революции*, в руках большевиков и меньшевиков, заслуживает сугубого внимания со стороны всякого итересующегося судьбами русской социал-демократии.

Мартов, облыжно обличающий теперь «Искру» в том, что она не замечала «прогрессивного значения одновременного, под влиянием «освобожденцев» совершающегося, выхода имущей оппозиции из аморфного состояния в состояние политической партии» (стр. 102). Это ложное обвинение неоднократно повторяется в сборнике и, конечно, имеет тот смысл, что служит удобным подходом к главному обвинению в низкой оценке буржуазии и слишком *высокой* оценке роли пролетариата, в «большевистской исключительности».

Но наши авторы в своей прокурорской поспешности не обратили внимания на ту формулу отношения к либерализму, которая, признавая прогрессивность роста буржуазной оппозиции, в то же время делала перед лицом этого факта другие выводы, предвидевшие «решительную борьбу» с «иллюзиями» либерализма и конкуренцию с ними за влияние на только что просыпавшуюся крестьянскую демократию и, следовательно, за определение характера и хода революции.

Эта формула была дана во втором номере *Зари* и так излагается Потресовым (стр. 612):

«Мы будем,—писал Ленин,—*приветствовать рост политического самосознания в имущих классах*, мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и социал-демократов взаимно пополняла друг друга». Но

«мы никогда и ни в каком случае не откажемся от решительной борьбы с теми «иллюзиями» либерализма, которые позволяют ему предполагать, будто возможно еще парламентарство со старым режимом»... и т. д. (Напомним, что эти слова Ленина относятся к 902 году: «иллюзии» либерализма отчасти изменили свой характер в дальнейшем и, сообразно этому, другие «иллюзии» стали объектом той же «решительной борьбы».)

Совершенно ясно, что автор, цитируемый Потресовым, признавал «союзников пролетариата»: он только нашел их там, где либеральные «иллюзии» выбивались из голов объективным революционным положением данного слоя: *в крестьянстве*, в мелкой сельской буржуазии, поставленной в данный момент в революционное положение самым ходом вещей.

Но ни Мартов, ни Маслов, ни Потресов не могут взять в толк, как, признав прогрессивность факта оформления буржуазной оппозиции, можно занять резко-критическую позицию к сути ее программы и тактики; методов «подталкивания путем критики», путем резкой позиции пролетариата—единственных методов, которые действительно приводили к обострению позиции и самого либерализма,—не существует для наших историков. С момента появления на сцену либерала они знают лишь одно правило поведения: ради бога не пугайте, не запугайте его! И это правило ка-

жется им настолько незыблемым, что, очутившись перед социал-демократом, последовательно критикующим либерализм, они начинают кричать: смотрите, он не признает прогрессивности факта появления имущей оппозиции, он не дооценивает ее и т. д. и т. п.

Мы знаем уже общественные корни этой странной ошибки зрения наших историков: они лежат в том, что идея «общенационального движения», идея согласованного шествия «всей оппозиции», шла вразрез с «решительной» борьбой и ортодоксальной «исключительностью» *Искры*, а вскоре встретила препятствие и в самом классовом характере движения пролетариата. Загипнотизированные этой идеей, наши историки гораздо более поэтому сражаются с «решительной» критикой либерализма социал-демократами и с «иллюзиями» рабочего класса, чем с либеральной критикой «нетерпимости» пролетариата или чем с «иллюзиями» либерализма.

Поэтому-то свои открытия в области истории русской социал-демократии Потресов дополняет новым открытием чуть ли не «социал-демократического» содержания русского либерализма.

Между кличем: «да здравствует армия!», которым либеральное «Освобождение» г. Струве открыло политическую кампанию 904 года, и провозглашением земского ноябрьского съезда «общественным мнением всей России», которым оно этот год за-

вершило, «Освобождение» выпустило несколько демократических нот. Для Потресова этого достаточно, чтобы, забыв и предшествовавшее и последовавшее, поспешить записать: «...либерализм демократизировал свои программные требования, в известных пределах он пытался стать социальным». В скором времени, во имя этих своих открытий, Потресов потребует от пролетариата и от пролетарской партии *«смягченного отношения»* к буржуазному либерализму.

И вот, как в свое время против «исключительности» и «нетерпимости» Гр. Осв. Труда, т.-е. как раз против ее идеи о политической роли пролетариата в революции, так теперь против тактических выводов из этой идеи, сделанных *Искрой*, поднимается волна оппозиции. Общественное содержание этих волн до известной степени одно и то же; потому последняя волна так много заимствует у старой и по форме и в содержании своем.

Надо подчеркнуть, что для новой линии сотрудничество с буржуазной оппозицией стало именно принципом, а не только решением той или другой тактической задачи. Положенный в основу деятельности, этот принцип приводит новую линию—меньшевизм—фактически к тактике, которая ведет рабочий класс к роли привеска буржуазной оппозиции, к той роли, которую рабочий класс играл во всех буржуазных революциях XIX века

и в разъяснении опасности которой был смысл существования социал-демократической партии до буржуазного переворота.

Но это сотрудничество, соглашательство с буржуазией не могло удерживаться, конечно, только в области тактики, оно, незаметно для самих авторов его, должно было постепенно окрасить весь их теоретический багаж. Мы уже видели, как под влиянием этого принципа исказилась история русской социал-демократии в руках его сторонников, как улетучилось для них все содержание идейной борьбы *Группы Осв. Труда* и *Искры.* И мы сейчас увидим, как теория сотрудничества с «имущей оппозицией», ставши руководящим принципом, привела авторов сборника «Обществ. дв.» к прямо *реакционным* нотам в области истории рабочего движения в России.

Характер поворота от *Искры* намечен уже и в разбираемом сейчас I томе истории революции, но, конечно, лишь в следующих томах мы найдем полное раскрытие общественно-политического содержания меньшевизма. Переходя к описанию первых этапов поворота части «искровцев» от принципов революционной социал-демократии, Потресов пишет: «Его (революционно-марксистского течения) стремительный организационный успех внутри партии, до поры, до времени, не позволяет развиваться самокритике, а та почва под ногами, которая ощущалась в непрерывно растущем дви-

жении рабочего класса, *казалось, давала все шансы на выполнение социал-демократией роли вождя освободительного движения»* (стр. 625, курсив наш). Увы, Потресов скоро убедился, что это только «казалось». (Что это была реальная задача, над которой надо было работать, чтобы пойти в ногу с реальным движением класса,—это ему и в голову, конечно, притти не может.)

Убедился же он в ошибочности того, что ему «казалось», сейчас же, как только увидел, что рядом с социал-демократией организуются другие партии. А из такого характера наступившего разочарования вытекал и новый лозунг поворачивавших, будущих меньшевиков, лозунг, для характеристики которого сам Потресов нашел удачное выражение: *«смягченное отношение»*, т.-е. смягченное отношение как к оппортунизму, так и к буржуазному либерализму. Статья Потресова в первом томе не выходит за пределы тех месяцев, которые предшествовали так наз. «Земской кампании» и окончательному самоопределению меньшевизма. А поэтому, говоря о *начале* меньшевизма, Потресов мог *покуда* ограничиться такой характеристикой его: «Перед литературой меньшевизма стояла боязнь «торичеллиева пространства» и *диктовала ей как смягченное отношение к оценке прошлой деятельности «экономистов», так и готовность приветствовать самые несовершенные усилия самоорганизации пролетариата»*.

Эта самохарактеристика слишком мягка и благожелательна. «Смягченное *отношение*» должно было распространяться на все большее пространство, захватить в область своего действия антипролетарское движение, совершенно логически привести к поддержке кадетских лозунгов, к урезыванию программы, и оставить в качестве объекта «*не* смягченного отношения» лишь одно—революционную идеологию и «классовые страсти» российского пролетариата. В последнем мы сейчас убедимся. Для этого взглянем на сторонников Потресова: А. Егорова и Л. Мартова.

Статья Егорова захватывает уже, хотя мельком, эпоху «Земской кампании» и дает нам поэтому первый пример «*смягченного отношения*» на деле. По поводу роли социал-демократии в этой кампании у Егорова есть одно лишь соображение: рабочие «вопреки предостережениям новой *Искры* [1]) старались более всего заклеймить перед массами недостаточность и недемократичность ее (буржуазной оппозиции) требований: а это, при данных условиях, грозило ослабить подымавшееся общественное движение» (стр. 410) [2]).

[1]) *Новой* «Искры», т.-е. Искры 1904—05 г.г., когда после раскола и ухода из редакции Ленина «Искра» стала органом меньшевиков и совершенно изменила свой первоначальный характер. *Прим. к наст. изд.*

[2]) Чтобы показать полнейшую выдуманность этих «предостережений» «Искры» и предвзятость обвинений,

Если принять во внимание, что несколькими строками выше Егоров берет отношение к «Земской кампании» как момент «окончательного самоопределения обоих социал-демократических течений в виде 2-х фракций с различной тактикой в борьбе со старым порядком, вообще, и по отношению к буржуазным партиям, в частности», то будет совершенно ясна тенденция сторонников «смягченного отношения». Заклеймение перед массами, выражаясь словами Егорова, недостаточности и недемократичности требований буржуазной оппозиции—объявляется *ошибочной* тактикой, ослабле-

---

повторяемых до сих пор Егоровым, не бесполезно будет привести здесь *фактический* рассказ о соответствующих событиях конца 904 года, данный в статье Ев. Маевского в только что вышедшем под той же редакцией II томе *того же сборника* «Общ. движ.»

«...Городская демократия и передовые рабочие массой устремились в эти единственно существующие оазисы свободного слова (банкеты). Но *«общественные деятели»*, из опасения потерять свою привилегию на свободу, за редкими исключениями, делали все от них зависящее, чтобы так или иначе преградить вход в эти собрания рабочим и демократии... Но, даже тогда, когда часть жаждущих и попадала, наконец, на собрания, чаще всего она оказывалась там в неравноправном положении — в качестве публики, но не участников собрания... Нет ничего удивительного, что на этой почве первая же встреча... рабочей демократии и либерального «общества» приняла форму резких и враждебных столкновений», продолжает Маевский (стр. 39) и делает вывод»: надо сказать, что и

нием движения. Вот это действительно было тактическим новшеством, стоявшим в полном и коренном противоречии со всем обликом старой *Искры*. Уже в этой характеристике Егорова «непугание» либералов выступает как решающий момент в построениях меньшевиков. Положить в основу своей политики соображение о том, что критика недостаточности и недемократичности оппозиции земцев со стороны рабочих ведет к *ослаблению* движения,—это значило взять такой курс, который обрекал пролетариат на роль, прямо противоположную той, в которой и *Гр. Осв. Труда* и *Искры* видели успешное решение политической задачи

революционные организации сами не всегда проявляли достаточно такта («такт», это своего рода «пунктик» у меньшевиков), но первопричина лежала не столько в них и их требовательности (вполне понятной), сколько в тех, кто стремился монополизировать то, что не подлежало никакой монополизации».

Ведь из этого рассказа, не очень углубляющегося, но зато правдивого Маевского, пожалуй, вытекает, что «предостережение» «Искры» были лишь пустой интеллигентской выдумкой, тактикой совершенно бессмысленной перед лицом этих «общественных деятелей», и что единственный реальный смысл в словах Егорова об «ослаблении движения» заключается в том, что ослабляло движение требование равноправия, предъявленное рабочими к монополизаторам «из оппозиции». Ожидал ли, однако, Егоров, что его позиция фактически сведется к защите «общества» от рабочей «требовательности». Не щадит меньшевиков, как видно, даже их собственная история!

пролетариата: это значило *на деле* указывать пролетариату путь *раба* буржуазной революции, а не ее *вождя*. Эту тенденцию меньшевистского «плана» земской кампании тогда же, в 1904 году, отметил и подчеркнул большевизм. А теперь простой *рассказ* меньшевика же Е. Маевского вскрывает большевистскую *правду* в этом деле, столь сильно волновавшем в те времена партию.

Поскольку эта меньшевистская проповедь не могла изменить реального соотношения сил нового общества, поскольку она приходила в противоречие с неизбежным путем классовой борьбы пролетариата, постольку она обязывала самых проповедников к *реакционному* отношению к классовому движению пролетариата. Независимо от их воли, принцип: «не пугайте либералов своими выступлениями, не отталкивайте их своей критикой *перед массами*», должен был с развитием пролетарского движения показать и свою оборотную сторону, перейти в *принципиальное* удерживание пролетариата от развития и усиления его классовой борьбы, привести к проповеди понижения «требовательности» рабочих масс. Рассуждения итоговой статьи Л. Мартова насчет «элементарных классовых страстей», «стихийной силы непосредственных классовых инстинктов», пробивающаяся нота сожаления по поводу «*рано* (!) совершившейся дифференциации политических партий»,

затруднявшей «концентрацию... разных классов», эти *реакционные* нотки по поводу собственно того, что исторический процесс *уже* вырыл пропасть между русским пролетариатом и буржуазией— все это естественное и неизбежное дополнение к тактике непугания буржуазии. И тут, конечно, вопрос не «тактичности», а «тактики», вопреки тому, в чем нас старались уверить некоторые товарищи, во главе с Плехановым [1]).

Проникновение этих реакционных, контр-революционных нот в идеологию меньшевизма знаменует лишь *капитуляцию перед сложностью положения и задач пролетариата на повороте от старой к новой России:* не только неумение решить возникающие тут вопросы, но и неспособность их поставить с точки зрения классовой борьбы пролетариата.

Конечно, после событий последних лет никто не осмелится повторить фразы П. Аксельрода об отсутствии «почвы для принципиального политического антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией», но невольное воздыхание о тех счастливых временах, когда этого антагонизма не было, неизбежный удел и Егорова,

[1]) Плеханов в 1906 г. помещал в меньшевистских газетах статьи под заглавием «Письма о тактике и бестактности», в которых громил большевиков за их бестактность, грубость и т. п. по отношению к кадетам. *Прим. к наст изд.*

и Потресова, и Л. Мартова. Какой иной смысл может иметь и нижеприводимая фраза Мартынова из «Голоса С.-Д.», как не выражение надежды, что придут еще времена, когда пропасть между пролетариатом и буржуазией прикроется, пролетариат откажется от «иллюзий» своего отношенияк либерализму, от той роли в революции, которую он играл в 905—6 годах, и в поддержке «имущей оппозиции» обретет альфу и омегу своей политической мудрости.

«*Нужны были жестокие наглядные уроки и кровавые поражения революции, для того, чтобы установилось то взаимоотношение роли буржуазии и пролетариата, при котором буржуазная революция может победить* [1]), т.-е., говоря словами того же Мартынова из той же статьи, такое «взаимоотношение, когда пролетариат (под руководством меньшевиков) начнет «приспособлять» свою тактику к тактике общенационального движения, т.-е. тактике все той же «имущей оппозиции».

Как видите, урок, вынесенный меньшевизмом из русской революции, мало чем отличается от той предпосылки, с которой вступили в эпоху революции г.г. кадеты и с точки зрения которой ведется теперь в кадетской печати ожесточенная

---

[1]) «Голсс Соц.-Демократа», № 8 — 9, стр. 19 (курсив Мартынова).

атака против пролетариата, разбившего-де неумеренностью своих требований и «исключительностью» своей тактики ряды «оппозиции». Счастлив Мартынов, что ему не дано понять, на чьей дуде он играет, утверждая, что «нужны были... кровавые поражения революции», чтобы научить пролетариат «приспособлению» своей тактики к тактике «оппозиции». Счастливы Кольцов и Череванин и Маслов, не догадывающиеся, какой класс их устами громит «иллюзии» пролетариата, т.-е. революционный энтузиазм и революционную тактику рабочего класса [1]). Но во много счастливее их Л. М., автор итоговой статьи, которому тов. Мартынов, редактор сборника, не захотел напомнить многое из того, что ему было известно еще в 1904 году.

---

[1]) Нам хочется, однако, помочь в данном случае нашим бедным историкам. И на первый раз мы процитируем им несколько строк из статьи представителя реакционного течения по-революционной эпохи.

«С точки зрения истинной религиозности, практический максимализм есть кощунственное стремление воплотить сполна бесконечное в конечных пределах, поймать и удержать в узких и закрепленных формах безграничный свет идеала. Глубочайший трагизм русского революционного движения состоял именно в том, что... оно веровало в одни лишь интересы и аппетиты. За эту свою слепоту поплатилось тем, что вызванные его нигилизмом призраки классовой розни и эгоистической разнузданности подавили и уничтожили его».

Ибо было бы ошибкой думать, что реакционные ноты сразу появились в идейном обиходе меньшевизма. Нет. Даже в новой «Искре» Мартынов еще знал, что есть разные методы ликвидации самодержавия, что одни более, другие менее выгодны, в конечном счете, пролетариату, что пролетариат должен отстаивать *свои* методы *в борьбе* с такими «методами (ликвидации старого режима), которые... имеют тенденцию затруднить решение пролетариатом его политической задачи». (Цитата из статьи Мартова в № 70 «Искры» взята у Потресова, стр. 629.) Теперь просвещенный Мартыновым и Череваниным т. Мартов заменил всю сложность намеченной им проблемы мудростью «смягченного отношения»; вопросы борьбы за пролетарский метод решения поставленной задачи, вопросы политической конкуренции за просвещение и руководительство народных масс он легко заменил все

Попробуйте-ка, Мартынов или Череванин, освободить мысль писателя из «Вех»—хотя и печально для Вас, но Вы ведь догадались, что это писатель именно из «Вех» (С. Франк)—от ее ханжески-лицемерного жаргона и вы получите...увы... свою собственную политическую мудрость в ее наиболее отчетливой форме. Это печально, но это факт. («Вехи»—вышедший в разгар столыпинщины сборник, возвещавший окончательный разрыв либералов с народом и революцией и переход их на службу капиталу, сыграл роль манифеста контр-революционной интеллигенции. Во главе сборника стояли г.г. Струве, Бердяев, Изгоэв и др. *Прим. к наст. изд.*)

разрешающим лозунгом: не пугать буржуазии. Увы, на протяжении всей революции пролетариат продолжал пугать и не мог не пугать «имущей оппозиции». И для редактора «Общ. дв.» остался один исход: напасть на пролетариат, поскольку он выходил за предписанные ему умеренной оппозицией рамки, а так как на этот неугодный т. Мартову путь пролетариат толкался самым процессом развития противоречий внутри буржуазной России, то напасть и на характер этого процесса развивающейся борьбы пролетариата с буржуазией. Ставши на этот путь, в той же мере дозволительно считать себя социал-демократом, в какой считали себя и, кажется, продолжают считать себя марксистами деятели из «Союза Освобождения» и первой эпохи конституционно-демократической партии.

Мы можем подвести итоги. Протест против реального классового движения революционного пролетариата во имя задач «общенационального движения», понимаемого в смысле *самоограничения крайних групп населения*, т.-е. прежде всего пролетариата; протест против идеологии русской революционной социал-демократии, поскольку она в борьбе с другими группами выдвигала руководящую роль пролетариата и доминирующее значение классовой борьбы пролетариата и буржуазии в русской революции,—такова та точка зрения, с которой дана история общественного

движения в разбираемом сборнике. Эта точка зрения неизбежно привела авторов к мелкобуржуазной реакционной утопии. Таким образом эта идеология вернулась к своему исходному пункту, к той системе, во имя которой в конце 90-х годов от марксизма «Группы Освобождения Труда» с ее идеей гегемонии ушли наши будущие буржуазные демократы и либералы с их идеей «общенациональных задач».

Если вышеизложенные выводы насчет русской революции и роли пролетариата имеют несомненный реакционный смысл в устах социал-демократа, то совсем иное значение они имеют в устах мелкобуржуазного *демократа*. В его устах критика, данная разобранными статьями, вполне законна и естественна. Больше того, эта критика хорошо формулирует то, что вызывает неудовольствие подобного демократа в пролетарской партии и в пролетарском движении. Для идеолога мелкой буржуазии и реакционная утопия «единой нации» и реакционная критика «рано совершившейся дифференциации политических партий» и, наконец, оппортунистическое представление о критике либерализма, ослабляющей-де движение—все это неизбежные и, по нынешним временам, уже достаточно поношенные одежды. Но не надо, щеголяя в этих одеждах, выдавать их за марксистские. Промежуточное положение всегда вредно, а в данном случае оно еще, как мы видели, неизбежно пора-

жает стремление найти кажущийся выход в попытках повернуть назад колесо истории. Освобожденная же от своих противоречий, политическая мысль меньшевиков-авторов «Общ. движ.» легко станет центром мобилизации европеизирующейся городской буржуазной демократии.

Меньшевистский «критик» пролетарского движения [1].

К изучению социальных явлений можно приступать с различными методами в руках. Но из всех возможных методов изучения социальных явлений—два особенно характерны. Один из них, которым руководствуются марксисты, заключается в изучении *внутренней логики* развертывающегося процесса.

Другой метод нашел себе точное отражение в тех словах, которыми поэт-барин, граф Алексей Толстой, характеризовал свое отношение к мужику.

Есть мужик и мужик;
Если мужик не пропьет урожаю,
Я того мужика уважаю...

Русскому рабочему движению так не повезло, что за его историю в революционные годы брались до сих пор писатели, придерживающиеся—к большому ущербу для результатов их исторических трудов—метода графа Алексея Толстого. Первый «историк» «пролетариата в революции»,

---

[1]) «Социал-Демократ», № 14, 22 июля 1910 г.

Череванин, установил, как известно, что пролетариат несомненно «пропил урожай» и потому отказал ему в своем «уважении».

Теперь второй публицист, взявшийся за ту же тему и написавший очерк под заглавием «*Рабочие в 1905—1907 г.г.*», Д. Кольцов [1]), на протяжении 10 печатных листов пытается убедить читающую и интересующуюся рабочим движением публику в том, что Череванин прав и что, поелику «мужик» пропил-таки урожай, он никакого уважения не заслуживает.

Нельзя сказать, чтобы наш новый «историк» был совершенно лишен способности смотреть на свой предмет—рабочее движение в 1905—1907 годах—глазами исторического материализма. Он делает иногда попытки проникнуть в самый механизм пролетарского движения в России, у него иногда пробивается—слишком слабо, правда,—стремление понять ту закономерность, которая руководила сменой *форм* революционного движения пролетариата. Но—увы!—это только попытки, только поползновения, вернее, воспоминания о марксистской точке зрения.

Господствующим же и определяющим является для Д. Кольцова угол зрения бухгалтера, сверяющего грандиозный процесс выступления россий-

---

[1]) Сборник «Общественное движение в России в начале XX в.», т. II. ч. I

ского пролетариата на революционный путь с приходо-расходной книгой, составленной для российской революции общественным мнением российского либерализма.

Надо сказать, что с этой точки зрения перетряхивать—по-Кольцовски—еще раз историю рабочего движения за время революции было, пожалуй, излишним трудом: перед судом мещанской политической бухгалтерии приговор над ним вынесен, и экзамена перед *этим* судом российский пролетариат не выдержал... *Бесплодность* тактики пролетариата *после* 17 *октября* стала уже общим местом нашего либерального общественного мнения. Результатом «*безумия*» (см. «Пролетариат в революции», стр. 67) объявил революционные выступления пролетариата после манифеста Череванин. Результатом «*революционных иллюзий*» объявляет теперь ноябрьско-декабрьское движение Д. Кольцов.

Бесплодная и безумная тактика, выросшая на почве революционных иллюзий,—такова та формула, в которой великолепно умещается и сожительствует корыстный «реализм» либеральной оценки рабочего движения с бескорыстной ограниченностью социал-демократического оппортунизма.

И еще характернее этой общей оценки то обстоятельство, что она специально приурочена к ноябрьско-декабрьскому периоду.

Перелистайте «очерк» Кольцова. Его первые 7 главок посвящены описанию эпохи от 9-го

января до 17 октября 1905 г. Вы не найдете в этих главах ни самомалейшего умения поднять закономеренность того процесса, который вел пролетариат от частных забастовок к всеобщим стачкам, политическую всеобщую стачку делал этапом классовой борьбы с буржуазией и, наконец, сливая воедино максимальные политические и минимальные (в смысле нашей программы) экономические требования, делал *восстание* неизбежным. Но зато вы не найдете в этих главах никаких словечек о «революционных иллюзиях», об «увеличении», о «переоценке своих сил», о «недооценке» сил врагов и тому подобное.

Требование 8-часового рабочего дня, всеобщие стачки, сражение в Иваново-Вознесенске, баррикады в Лодзи, восстание в Одессе, все, что уже летом 1905 года являлось провозвестником решительных форм борьбы и что в октябрьско-декабрьский период получило свое полное развитие, милостиво регистрируется нашим историком, не вызывая в нем сомнения насчет уместности и плодоносности этих форм борьбы. Конечно, он не преминет скорбно пожалеть, приступая к описанию летних месяцев 1905 года— месяцев начавшейся вооруженной борьбы, — о том, что «боевые задачи начинают брать верх над всеми другими» (?), но—в общем и целом— он приемлет и баррикады, и восстание, и повышенную экономическую борьбу, и даже «боевые за-

дачи»... *до 17 октября*. Но вот манифест дан... и наш историк решительно отказывается от роли объективного *описателя*, он чувствует, что теперь как раз во-время перейти к роли критика... пролетарской политики. С его точки зрения—так близко в этом вопросе подходящей к соображениям г. Милюкова—пролетариат после 17 октября решительно начинает «пропивать» не только свой, но и чужой «урожай». Все, что делает пролетариат в ноябрьско-декабрьские дни, преисполнено ошибок, заранее обречено на неудачу и является плодом «переоценки своих сил».

Это распределение света и тени в рабочем движении по сю и по ту сторону сакраментальной даты 17-го октября поневоле внушает опасение, что наш историк рабочего движения не уберегся от соблазнительных конструкций российского либерализма, для которого 17 октября есть тот момент, когда революция, до того «великая и славная», перешла в «безумие стихий». Для либерализма этот взгляд естественен и неизбежен как раз постольку, *поскольку для него ясен объективный смысл революционной борьбы после 17 октября*. Ибо как раз *ясное понимание* характера этой борьбы и заставляло либерализм жаждать того, чтобы народная борьба выходила за рамки добытого результата—манифеста.

Но когда марксист приходит к той же характеристике после - октябрьских выступлений

пролетариата, то для этого может быть только два основания: или то, что этот «марксист» смешал бессознательно точку зрения революционного пролетариата с точкой зрения либерализма, или же то, что он *не понял* характера после-октябрьских событий. Д. Кольцов может выбирать.

Для российской революции 17 октября есть тот момент, когда она уперлась в задачу *борьбы за власть*. Если до манифеста объективные рамки, в которых двигался революционный процесс, определялись *давлением на старую власть*, то продолжение борьбы после манифеста означало переход *к завоеванию власти*. Из понимания этого выросло различное отношение либерализма к до-октябрьской и октябрьско-декабрьской эпохам. Из непонимания этого обстоятельства выросла «критика» Д. Кольцова.

Уже в преддверии октябрьско-декабрьской эпохи Д. Кольцов начинает «критику» пролетарской борьбы, поскольку эта борьба переходила в борьбу революции *за власть*.

«Обнаружилось,—пишет он на стр. 226,—*ставшее впоследствии роковым*, стремление этой (рабочей) армии обходить встречающиеся на пути неприятельские позиции, а не укреплять их за собой. Даже наиболее передовым отрядам этой армии была гораздо более по душе эта имеющая *чрезвычайно радикальную внешность* тактика, чем другая, стремящаяся предварительно

использовать в своих интересах всякую неприятельскую позицию в целях укрепления своих собственных рядов». Некоторые оправдание для пролетариата Д. Кольцов находит в том, что «без привычки к организованной жизни он (пролетариат) не знал бы, что ему делать с завоеванными позициями, *какие части их можно ассимилировать и какие надо отбросить»* (курсив всюду наш).

О чем речь?—может спросить изумленный читатель. Разве то широкое митинговое и забастовочное движение, слившее воедино экономические требования рабочих и их протест против бюрократического метода их разрешения, которым петербургский пролетариат ответил на комиссию Шидловскго, было *обходом* неприятельской позиции? Разве еще более грандиозное сентябрьско - октябрьское движение, сметшее Булыгинскую Думу, было *обходом* неприятельской позиции? И, наконец, в самом бойкоте 1-ой Думы, на сторону которого, по словам того же Кольцова, стали «наиболее активные, наиболее сознательные элементы» рабочего класса (стр. 265) была ли тенденция «обойти препятствия»?

Конечно, пролетариат не только может, но и должен работать над «укреплением собственных рядов» и тогда, когда эта работа по необходимости ограничена рамками, предписанными *неприятелем*. Но противопоставлять этот метод

«укрепления своих рядов» тому методу непосредственного *нападения* на неприятельские позиции, который характеризует весь 1905 год и высшее оправдание которого в том, что он пробудил и поставил на *боевую* позицию миллионы пролетариев,—можно только окончательно погрязнув в легализме.

О чем действительно не было речи в 1905 году—это о той тактике «ассимилирования», которую (быть может, бессознательно?) Кольцов противопоставляет тактике решительной борьбы.

«Ассимилирование» в политике не может быть ни чем иным, как *взаимоприспособлением*.

Взаимоприспособление монархии Романовых и потребностей буржуазии было руководящей идеей либерализма за весь период его политического существования, идеей, противопоставленной решительной борьбе за власть. А теперь наш «историк» становится на ту же точку зрения, проповедуя пролетариату задним числом—для 1905 г.—тактику «ассимилирования» неприятельских позиций и называя тактику прямой борьбы «роковой» и продиктованной «социальной ограниченностью» русского рабочего класса.

И разве не дополняют друг друга по своей ограниченности тактика, игнорирующая для 1909 года работу в так называемых «легальных возможностях», и тактика, рекомендующая «ассимилирование» для 1905 года...

Для «историка», объясняющего непримиримость революционной тактики россиийского пролетариата наличностью в его среде сильных «мещанских и крестьянских элементов, внешний радикализм которых соответствует их социальной ограниченности» (стр. 226), для подобного историка смысл деятельности Советов Рабочих Депутатов должен остаться, конечно, тайной за семью печатями. Тот, кто вздумал бы по «очерку» Кольцова составить себе представление о деятельности этих организаций, должен был бы прийти к заключению, что их господство было господством легкомыслия, опрометчивсcти, революционной фразы, детских иллюзий и преступного отношения к тем задачам, ради которых они вызваны были к жизни. И мы не станем оспаривать естественности такого представления для наблюдателя, для которого борьба революции за власть теряет всякий смысл с того момента, как от *этой* борьбы отказывается буржуазный либерализм.

Но Советы Рабочих Депутатов и весь октябрьско-декабрьский период *для пролетарской борьбы* не принесли ничего *принципиально*-нового: этот период лишь синтетизировал, резче очертил и поднял на высшую ступень те тенденции и формы, которые зародились еще до 17 октября. Но то, что до 17 октября покрывалось «общенациональным» характером борьбы, что «про-

щалось» пролетариату, как необходимому орудию буржуазной революции, встретило решительный отпор, когда развитие его борьбы показало, что пролетариат не имеет возможности остановиться и пытается превратить самое революцию в орудие своих классовых интересов.

Но именно это последнее, это стремление пролетариата из илота — раба буржуазной революции стать ее вождем и возбуждает больше всего негодование у нашего «историка».

Окарикатуривая всю деятельность Совета Рабочих Депутатов, он одинаково клеймит и ноябрьскую забастовку и борьбу за 8-часовой рабочий день и надежды на армию, которые, видите ли, с точки зрения этого «реалиста», были величиной «невесомой»... как раз в то время, о котором сосед Кольцова по сборнику, Е. Маевский, пишет: «Ноябрьский протест рабочего Петербурга упал на чрезвычайно благодарную почву. Именно в ноябре, и, надо полагать, в значительной степени благодаря этому протесту, *движение в воинских частях приняло широкие размеры.* Этот момент—приблизительно середина ноября,—быть может, был самым опасным моментом для старой власти за все время русской революции» (стр. 126).

Что же касается специально декабря, то для его характеристики почтенный историк не нашел других слов, как следующие:

«В так называемых вооруженных восстаниях участвовали почти исключительно дружинники, т.-е. члены боевых организаций, созданных во время погромов в целях самообороны. Это было своего рода заместительство в восстании, которое, как всякое заместительство могло создать только иллюзии относительно действительного настроения масс. Когда период восстаний прошел, то эти «боевые дружины» остались как чужеядный нарост, с которым рабочему движению кое-где приходится бороться и по сие время»... (стр. 248).

«Так называемые» восстания... «заместительство»... «чужеядный нарост»... «боевые дружины» (в иронических значках), с которыми приходится бороться... такова эта оценка высшего пункта народной и пролетарской борьбы, данная на страницах — увы!—социал-демократического издания. Мы не в праве, конечно, требовать от Д. Кольцова *исторического понимания*, но можно, казалось бы, надеяться хоть на каплю политического чутья...

Отсутствие того и другого Кольцов покрывает крохотной теорийкой, которую зато не перестает жевать на всем протяжении своего очерка. Она сводится к тому, что поражение революции является «логическим результатом *самоизоляции* пролетариата в буржуазной революции» (стр. 225, курсив наш).

Мы слышали в революционную эпоху из социал-демократических рядов призыв к «изоляции реакции». Но, признаться, в первый раз слышим обвинение пролетариата в том, что он в эпоху революции занимался тем, что сам себя изолировал.

Несколькими строками выше выписка из статьи единомышленника и товарища Кольцова по сборнику засвидетельствовала нам состояние армии в эпоху «самоизоляции» пролетариата. Вы помните, уважаемый историк?—«благодаря ноябрьскому протесту (который Вы называете «ноябрьским поражением») петербургских рабочих — движение в воинских частях приняло широкие размеры. Этот момент был самым опасным моментом для старой власти за все время революции».

От армии ли «самоизолировал» себя пролетариат, почтенный историк?

Теперь послушайте другого своего единомышленника и тоже товарища по изданию, П. Маслова. (N. B. Мы нарочно цитируем ваших единомышленников, ибо их вы лишены возможности заподозрить, по череванинскому, рецепту в «увлечении» и в том, что они слишком «горячие головы».) Если вам недосуг перечитать все те 25 страниц и те 10 главок, которые этот ваш единомышленник должен был посвятить простому описанию «крестьянского движения после 17 октября», т.-е. за *октябрь, ноябрь и декабрь*

1905 года, то перечитайте, по крайней мере, хоть эти его заключительные слова.

«В итоге *осеннего* крестьянского движения в России оказались сожженными, разграбленными, вообще уничтоженными свыше 2.000 усадеб, при чем убытки только по 19 затронутым движением губерниям определяются... в 29 миллионов рублей... Крестьянским движением *конца 1905 г.* было охвачено более 160 уездов Европейской России, не считая Кавказа и Польши» («Общ. движение» т. II, ч. 2, стр. 260—261), и на тех же страницах вы найдете указание, что это крестьянское движение было ни чем иным, как *восстанием*.

Так от крестьянства ли «самоизолировал» себя пролетариат, организованный в свои Советы, еще раз почтенный историк?

От кого же или чего же изолировал себя пролетариат в октябрьско-декабрьские дни? И какими методами «самоизолировался» он? Читателю нетрудно ответить на эти вопросы. Пролетариат оказался изолированным от *либеральной буржуазии* и ее предательской тактики своей революционной борьбой, пробуждавшей к революционной жизни армию и крестьянство. Историку-меньшевику, историку-ликвидатору может не нравиться революционная тактика пролетариата, ему может казаться большой ошибкой политический разрыв пролетариата с буржуазией, поставившей пролетариат во главе

революционной деревни и революционизирующейся армии, ему может даже казаться, что *самоограничение* пролетариата в революционной борьбе спасло бы буржуазную революцию, но все это не дает ему еще права утверждать, что пролетарская борьба покоилась на «революционных иллюзиях» и «невесомых величинах» и что тактика его была тактикой «самоизоляции».

И не законен ли будет теперь вопрос о косоглазии почтенного «историка»? Мы уже видели, как странно легли для него тени и свет по ту и по сю сторону царского манифеста. Теперь мы убеждаемся, что стоит сойти либеральной буржуазии со сцены, и ему уже начинает казаться, что на сцене ничего нет, хотя его сотрудники и докладывают ему почтительно о крестьянском восстании, о массовом движении в войсках, наконец, о «так называемых» вооруженных восстаниях в городах. — «Самоизоляция»! — изрекает наш историк. «Изолируйтесь от заразы либерального недомыслия»—должна ответить этому историку социал-демократия.

* * *

Жалкое словечко о «самоизоляции пролетариата и буржуазной революции» вскрывает только ту жалкую идейку, с которой наш историк подошел к рабочему движению в революции. Идейка

эта в том, что, ежели бы пролетариат вместо фантастической «самоизоляции,» которой он будто бы занимался, занялся реальным самоограничением своей революционной борьбы, то из этого проистекло бы нечто полезное для «общенациональных» задач.

На фоне крестьянского движения, при звуках «стремительно разраставшихся (слова Е. Маевского) солдатских и матросских бунтов, в самый опасный момент для старой власти и на пороге нового взрыва крестьянского движения *Советы Рабочих Депутатов должны были стать и стали завязями новой революционной власти* и, как таковые, органами непосредственной борьбы за власть, вырываемую из рук старого режима. В этой своей борьбе они не могли аппелировать к *самоограничению* пролетарской борьбы во имя тех слоев буржуазии, которые в борьбе революции за власть видели угрозу не только *старой* монархии, но и своим мечтам о *новой* монархии.

Пролетариат апеллировал не к ограниченности революции, а к ее расширению, хотел опираться и опирался не на колеблющийся либерализм буржуазии, а на радикализм крестьянских слоев. Поэтому он вполне заслужил упрек Кольцова в том, что он опирался на «иллюзию, дававшую возможность видеть на исторической сцене только себя и больше никого» (стр. 234), в том, что он оперировал «невесомыми величи-

нами» и принимал их за «реальные факторы» (стр. 236—237) и, наконец, в том, что его призывы «к удесятерению работы для планомерной подготовки последней всероссийской схватки» выросли на почве беспочвенного «оптимизма».

Но как раз то, что мещанину представляется апелляцией к «невесомым величинам» и беспочвенным «оптимизмом», было для пролетариата апелляцией от предательского поведения либерализма к *основным силам* революционного процесса, не «оптимизмом», не верой, не взрывом чувства, а глубоким сознанием *неизбежности* революционного пути развития и готовностью на этом пути положить к ногам истории всю накопленную энергию и весь запас своего революционного воодушевления. Именно эта апелляция к «невесомым величинам», эти «иллюзии» и «оптимизм», свидетельствующие о том, что пролетариат, если и не был в контакте с либерализмом, зато был в контакте с гением революции—это и сделало движение российского пролетариата 1905 г. *принципиально* - революционным, *залогом и источником всякой будущей российской революции*, придало ему тот интернациональный характер, который сделал движение *российских рабочих в рамках буржуазной революции* исходным пунктом нового этапа в борьбе *международного пролетариата за социализм.* Умственное мещанство не видит этого: его «реализм» заключается в том, чтобы не ценить всего того, что

подымается над уровнем сегодняшних записей его приходо-расходной книги.

Революция разбита... Не достаточно ли ему этого, чтобы обрушить на голову пролетариата упреки в «переоценке» сил, а на его представителей излить язвительную иронию обманувшегося мещанина по поводу их «спешки» (стр. 236), опрометчивости, слов «о последнем бое».

Мещанский аршин, издевающийся над пролетарской борьбой, это такое зрелище, от которого поневоле потянет на свежий воздух. Читатель не посетует поэтому на длинную цитату: она взята из «очерка», тоже написанного после *разбитой* революции, она оценивает такой момент в революции, который можно по его решающему значению приравнять к ноябрю-декабрю 1905 года, наконец, и весь «очерк» и данное место «тоже» *критикует* поведение пролетарских групп в революции. Сравните эту оценку с той, для которой девизом служат слова: ах, поторопились, ах, переоценили, ах, о последнем бое не могло быть и речи!..

«Но в революции, как в войне, всегда необходимо смело наступать, и преимущество на стороне нападающего; и в революции, как в войне, в высшей степени необходимо рисковать всем в решительный момент, как бы неравны ни были силы... Правда, собрание и народ, если бы сопротивлялись, могли быть побиты; Берлин мог подвергнуться бомбардировке, и сотни людей могли быть пере-

биты, не помешав окончательной победе королевской партии. Но это не было резоном сдаваться сразу. Поражение после доброго боя—факт не меньшего революционного значения, чем и легко одержанная победа... Собрание и народ в Берлине, вероятно, разделили бы судьбу двух вышеназванных городов (Парижа и Вены), но они пали бы со славой и оставили бы по себе в душе уцелевших желание мщения, которое в революционные времена является одним из сильнейших побуждений к энергичному и страстному действию. Понятное дело, что во всякой борьбе поднимающий перчатку рискует быть побитым, но есть ли это основание признать себя побитым и подчиниться ярму, не обнажив меча?

«В революции тот, кто занимает решающую позицию и сдает ее, вместо того, чтобы заставить врага изведать его силу при нападении, неизменно заслуживает имени изменника».

Духом этих слов Маркса был проникнут пролетариат в решающие месяцы русской революции. И поэтому он должен был подвергнуться упрекам Д. Кольцова. Но печально это *только* для Кольцова. Ноябрь—декабрь создали такое положение, что российский пролетариат для того, чтобы не подпасть под характеристику последних строк марксовой цитаты, должен был *изменить* тактике либеральной буржуазии. Особенно выпукло, рельефно и ясно (*особенно*, ибо никогда так-

тика революционного пролетариата не сливалась и не была похожей на тактику либерализма) разделение задач и методов борьбы либерализма и пролетариата сказалось *после* 17 октября. Совершенно естественно поэтому, что наш «историк» возводит декабрьские «ошибки» пролетариата к октябрю.

«Декабрьская тактика явилась неизбежным продолжением октябрьской и ноябрьской,—пишет он на странице 245,—проявлением той переоценки своих сил..., которая сказалась в деятельности Петербургского Совета Рабочих Депутатов». Вот та единственная закономерность, которую готов признать наш «историк»; закономерность «ошибок», вытекших-де неизбежно из того, что пролетариат и после 17 октября продолжал развивать свою революционную тактику, «самоизолируясь» от буржуазного либерализма.

В этом объяснении декабрьской «опрометчивости» из октябрьской «самоизоляции» закономерность того обстоятельства, что с либеральной схемой в руках нельзя понять пролетарского движения, нашла себе окончательное выражение.

И, действительно, проповедь «ассимиляции неприятельских позиций», критика революционных методов пролетарской борьбы, как приводящих к «изоляции» от либеральной буржуазии, игнорирование рядом с этим той задачи *борьбы революции за власть*, которая была поставлена всем предшествующим развитием и того крестьян-

ского восстания, на фоне которого резвертывалась деятельность Советов Рабочих Депутатов как зачатков революционной власти, наконец, усмешечка по поводу «декабря», т.-е. декабрьских восстаний—разве же это не законченное политическое воззрение? Читатель решит, имеет ли оно что-либо общее с социал-демократией.

* * *

Перебрать все ошибки и кривотолкования Д. Кольцова нет здесь никакой возможности.

Мы поэтому оставим в стороне чрезвычайно остроумное соображение Кольцова о том, что «успехи социал-демократии в то время (во время революции) были прямо пропорциональны социально-экономической отсталости данной местности». Обойдем также его приветствие характеру стачек середины 1906 года, в которых рабочие доказали, будто бы, свое понимание «необходимости отдаления политического движения от профессионального»... (стр. 280), равно как и находящееся в связи с этим сожаление о том, что еще к середине 1907 г. *«общее в политике еще преобладало над частным»* (стр. 336). После всего, что мы знаем уже о Д. Кольцове, даже это сожаление не может нас удивить.

Но от историка мы в праве потребовать верного описания. Взгляните же, как Д. Кольцов *описывает*. Приступая к описанию положения рабочего

класса «до и во время первой Думы», Д. Кольцов пишет: «Из понесенных поражений был сделан только один вывод: одних только сил рабочих не достаточно... и пролетариату надо искать себе союзников... нет, даже не искать, ибо один только возможный союзник и имеется у рабочих—это крестьянство... В рабочем классе начинает усиливаться вера в приближающееся крестьянское восстание. Вера эта питалась... *успехами* «трудовиков»... *демагогическим тоном* некоторых лидеров этой... группы»... Легкомысленен же русский рабочий класс: достаточно, оказывается, трудовиков и демагогического тона их лидеров, чтобы он поверил в восстание!.. Но, если Д. Кольцов окончательно лишен способности уразуметь, что «вера» в крестьянское восстание была убеждением в неизбежности революционного пути для раскрепощения России, если ему кажется удобнее свести это убеждение пролетариата к его «легковерию», то следовало бы ему все же справиться... с историей. Из нее ему нетрудно было бы убедиться, что не *вера* пролетариата в эпоху первой Думы был легкомысленна, а легкомысленно объяснять эту веру *легковерием*, как это делает наш «историк».

На стр. 277-й 2-го выпуска II тома того же издания, где пишет Д. Кольцов, он нашел бы следующий подсчет. «Подводя итоги крестьянского (экономического) движения *весной и летом 1906 года*, Н. Саваронский насчитывает, что оно охва-

тило 215 уездов, или *половину* уездов всей России, тогда как *осеннее* движение 1905 г. наблюдалось только в 161, или 37 % уездов» (курсив наш.) Так как же, уважаемый историк рабочего движения, находясь между этими двумя волнами крестьянского движения, политическое значение которого не может быть тайной и для вас, проявлял ли пролетариат особое легковерие, когда полагал, что «ему надо искать себе союзника... в крестьянстве?»

Еще пример того, как умеет наш историк обращаться с исторической перспективой. На стр. 265 он, критикуя бойкот первой Думы, толкует о том, что «уже первое выступление рабочих в 1906 г. должно было показать сознательным элементам, *в какой мере апатия и усталость стали овладевать массами и насколько непрочны оказались результаты объединительной работы предыдущего года*». А через 4 страницы оказывается, что 1-е мая 1906 года «опять подчеркнуло революционность пролетариата» и явилось «*воистину небывалой в Росии мобилизацией!*» (стр. 269). Очень хорошо. Но как же быть с «апатией» и отсутствием результатов работы 1905 года?... А на стр. 277 уже оказывается, что «к концу мая и началу июня 1906 г. стачечное движение охватило громадную площадь, *увеличивающуюся с каждым днем*» (курсив всюду наш).

Но если при описании 1905 г. Д. Кольцов потерял всякую перспективу, заменив ее либераль-

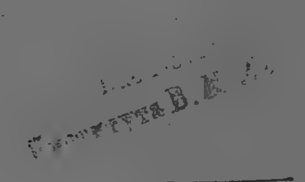
ным аршином, если для 1906 года факты ломают его перспективу, то в 1907 году он, наконец, находит себе свое надлежащее место.

По мере того как упадочные настроения начинают овладевать отдельными группами рабочих, когда, отбив их аттаки, правительство штыками загоняет их в рамки, отведенные рабочим на заднем дворе 3-июньской монархии, по мере того как массовая борьба сменяется приспособлением и «общее» отходит на задний план перед «частным»,— наш историк бросает тогу критика. И так же, как для его понимания 1905 г. характерна его критика «революционных иллюзий», так для его понимания эпохи упадка движения характерно *отсутствие* хотя бы намека на критику тех разлагающих процессов, которые начали сказываться и в среде пролетариата и в среде партии.

Ренегат с хорошо развитым нюхом ищейки относительно всяких упадочных настроений в революционной среде, г. Изгоев, поспешил отметить по поводу «очерка» Д. Кольцова, что «г. Кольцов знает больше, чем говорит». Прожорливость ренегатства беспредельна: ее не накормить. Но и одного того, что *сказал* Д. Кольцов, достаточно, чтобы понять, *что* знает он о рабочем движении: он знает не больше и не меньше того, что полагается знать о рабочем движении патентованному либеральному недомыслию.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □, МОСКВА □ 1923

